

В. А. ВЯТКИН

ГОРОДИШЕ
АФРАСИАБ

Издание Главнауки Наркомпроса УзССР

В. ВЯТКИН.

АФРАСИАБ—

ГОРОДИЩЕ БЫЛОГО САМАРКАНДА.

Археологический очерк.

Типография № 2
УЗПОЛИГРАФТРЕСТА
Ташкент, 27—792.
Ташокрлит № 53. Тираж 5000.

АФРАСИАБ.

ТОПОГРАФИЯ.

Городище Афрасиаб, западная часть.

Рядом с современным городом Самаркандом, на север от него, раскинулось обширное городище—место расположения прежнего города Самарканда, представляющее пустырь, занятый в южной части с давних пор кладбищем. Городище это долгое время, повидимому, не имело особого названия: его именовали просто «Верхнее укрепление (хисари-боле)». Но по крайней мере две сотни лет тому назад оно уже носило телерешнее свое наименование—«Афрасиаб», по имени одного из героев персидского эпоса, царя страны Турана.

Несмотря на большой интерес, который представляет Афрасиаб в археологическом отношении, давно начатые на нем частичные раскопки и значительное количество добытых многими лицами с поверхности и из недр его находок, он еще не был описан. *) Между тем, основанный еще в домусульманское время и существовавший включительно до господства первых монголов, а затем оставшийся незастроенным, покинутым до наших дней Самарканд на Афрасиабе, являвшийся одним из крупных

*) Упоминания о нем в литературе ограничивались короткими заметками.

центров былой культуры, представляет исключительно благоприятные условия для производства археологических изысканий и давно нуждается в описании, хотя бы со стороны топографии.

Когда, кем и при каких обстоятельствах основан Самарканд на территории современного Афрасиаба, исторических данных не имеется. Ныне разделяемое в науке мнение о том, что Мараканда времен походов Александра Великого в Среднюю Азию соответствует Самарканду и лишь является испорченным, может быть, по вине переписчиков наименованием этого последнего, в сущности является простым предположением, основанным на созвучии имен крупных городов долины Зарафшана, близких по географическому положению. Во всяком случае установить тождество Мараканды и Самарканды дело будущего, тем более, что ни одно из названий греческих писателей, излагающих походы Александра, относящихся к городам и местностям по сю сторону Аму-Дарьи, не соответствует названиям ни современным, ни арабских географов. Слово Мараканда не сталося ни в легендах, ни в мусульманской литературе.

Правда, основание города Самарканды легенды, записанные еще в старое время, относят к эпохе Александра и разных эпических героев; имеются и письменные источники с указанием на время основания его, но тем не менее раскопки на Афрасиабе убеждают нас в том, что город здесь основался сравнительно не в столь отдаленное время. Если даже допустить, что греческая Мараканда и Самарканд относятся к одному и тому же городу, то его надо искать где-то в другом месте, но не на Афрасиабе, в котором не имеется предметов соответствующей древности, а также и не в ближайших окрестностях его, предметы древности которых тоже несколько известны.

Ныне от города на Афрасиабе, кроме холма цитадели, нескольких рядов городских стен в виде валов, остатков, башен, следов арыков и водоемов, ничего не осталось. Со времен мусульманской древности Самарканд пользовался блестящей славой. История отмечает его могущество и богатство. Поэтому ничего нет странного в том, что людское легкомыслие склонно верить в то, что здесь могущественный царь Турана Афрасиаб зарыл свои богатства, и давно люди с кетменем, лопатой и тешей пробуют в недрах его счастья в поисках царских сокровищ.

Город был построен на сильно пересеченной, холмистой местности. Несомненно, конфигурация поверхности со времени возникновения здесь города и до его разрушения сильно изменилась: местами образовались более мощные наслоения почвы, местами низины и промоины были засыпаны, местами поверхность была выравнена и т. д. Но и с того времени, когда Афрасиаб при первых монголах был окончательно покинут жителями, топография местности продолжала изменяться: местами холмы стали более пологими, расплывчатыми: вследствие пахоты под посевы издавна значительные площади выравнивались, местами образовались каньоны, прежние низины местами занесло обмывами и т. д. Однако, ряд внутренних, пересекающих городскую территорию стен указывает на волнистость почвы во время их основания. Затем здесь имеются низкие места, заваленные мусором, судя по черепкам посуды в них, еще в раннюю пору жизни города на Афрасиабе. Главнейшее место, командующее над всеми холмами, занимает искусственный холм цитадели, расположенный в северной части городища. Холм этот, круто спускаясь во все стороны, за исключением лишь восточной, где был неширокий въезд в цитадель, при своей большой высоте, очень хорошо изолирован от остальной части городища.

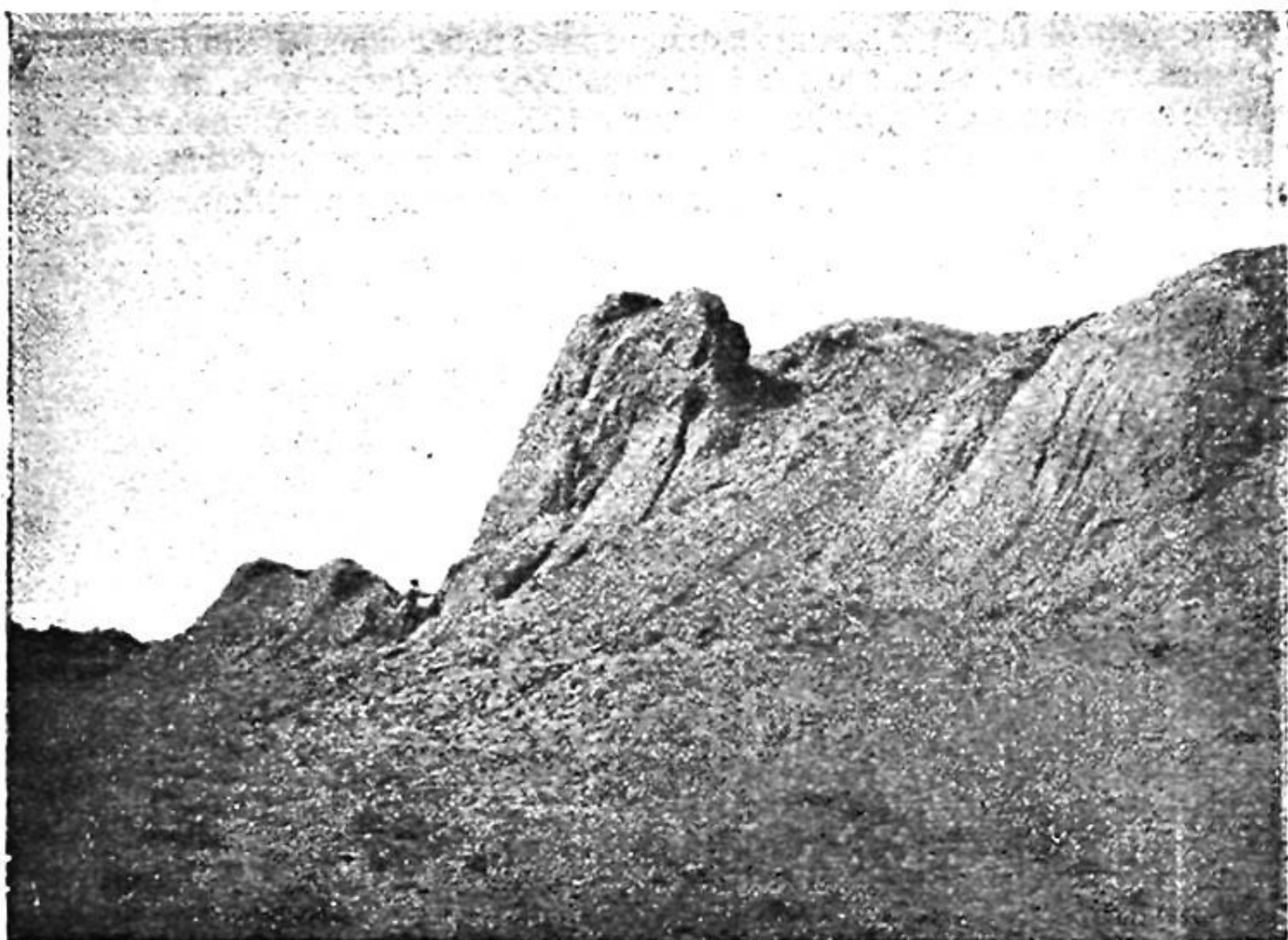

Вид внешней стены Афрасиаба.

а ныне местами обращенный под сады и посе­вы. С внутренней стороны у вала можно наблюдать местами углубленную полосу, метров 5 шири­ною. Отсюда также брали материал, может быть, для заделки стены, и эта полоса оставалась, повидимому, не застроенной. Длина уцелевшей стены равна 3 верстам 170 саж. Как по длине, так и по ширине в самом широком месте город имел 1 версту 230 сажен протяжения.

Однако, на территории Афрасиабова городища описанная стена яв­ляется не единственной. Ограниченное ею пространство пересекается кроме того, тремя внутренними стенами, значительно меньшего протя­жения и размеров. Наличие внутренних стен наталкивает нас на пред­положение, что поселение на Афрасиабе не сразу заняло площадь в пре­делах описанной стены, а что территория города, по мере роста населе­ния, расширялась. В истории роста города, основываясь на этом при­знаке внутренних стен, можно отметить, следовательно, четыре момента. Каждый раз при возведении новой линии стен, удлиненных по сравне­нию с предыдущими, не упускались из виду и стратегические возмож­ности—удобства защиты. Однако, все эти внутренние стены, ныне пред­ставляющие собою валы или остатки валов, и первоначально далеко не были так внушительны, как наружные стены. Правда, внутренние стены подверглись большому разрушению со стороны природы и людей, не поддерживались и местами были заняты постройками, видимо, после того, как в них отпала серьезная надобность.

Первоначальное поселение на Афрасиабе, обнесенное стеною было ничтожно—оно занимало площадь только в одиннадцать десятин. Это, надо полагать, было укрепление типа «турт-кулей», которых не мало разбро­сано по Туркестану. Стена укрепления шла в обе стороны по про­должению южной стены цитадели, которая целиком входила в состав поселения. Западным концом стена делала крюк и упиралась в обрыв Сиаба. Точно так же и восточный конец ее доходил до обрыва того же Сиаба. Стену с южной стороны сопровождал ров. Проследить эту перво­начальную стену Афрасиаба с южной стороны можно только по легкому валу и в одном лишь месте по сравнительно хорошо сохранившимся

Первая стена. Западный конец.

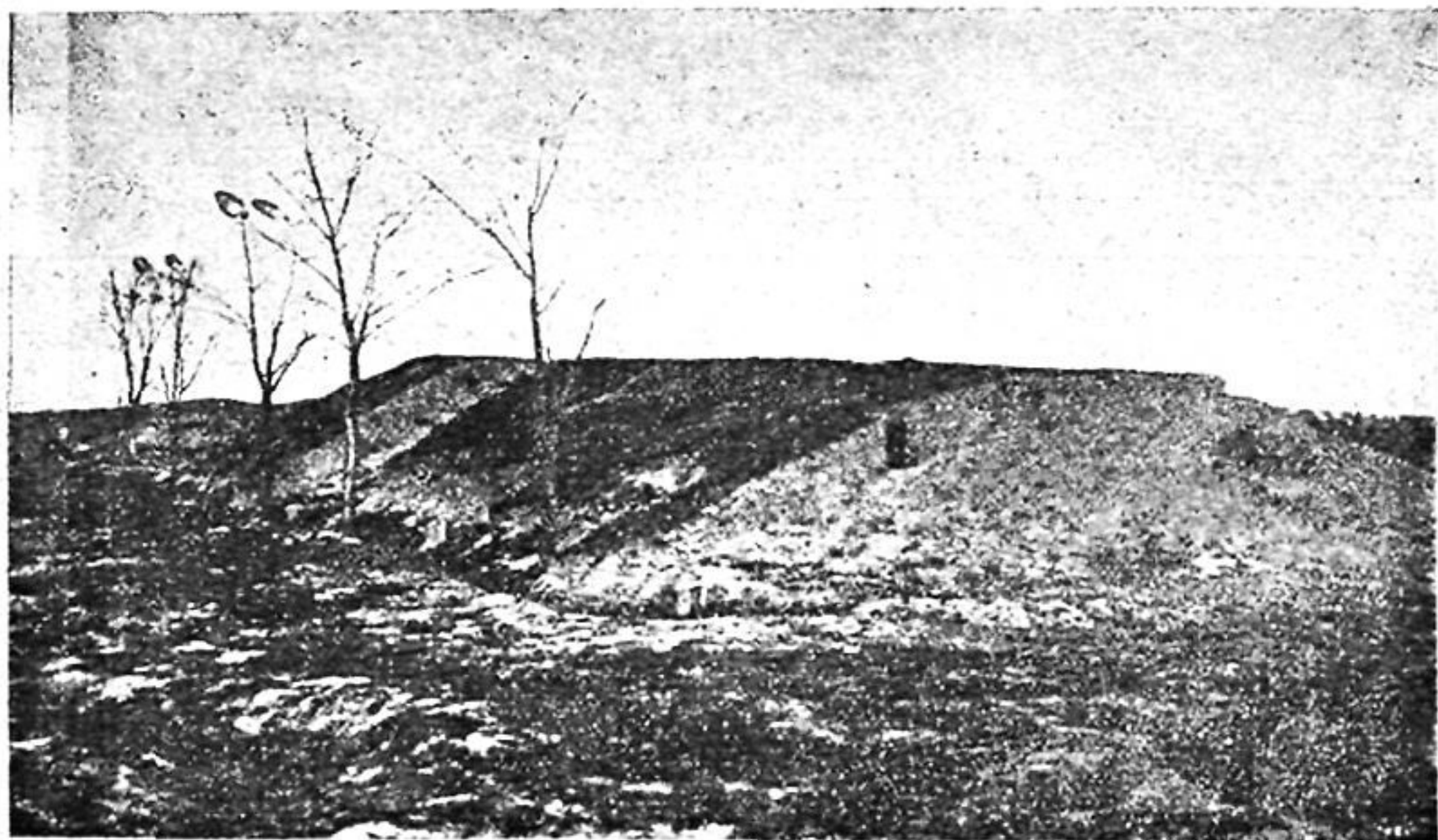
остаткам стены или башни. Однако, можно также сделать предположение, что стена укрепления шла от с.-в. угла цитадели прямо на север, к обрыву Сиаба, так как здесь имеются следы вала и в нем остатки

Основание башни в первой стене.

башни. В этом случае цитадель двумя сторонами не входила бы в ограду поселения; и в таком случае оно соответствовало бы обычному типу «турт-кулей» по своему плановому положению. В этом виде Афрасиаб превосходил бы по площади размеры существующих «турт-кулей».

Затем следующая стена охватывает территорию значительно большую—около 48 десятин, включая и первое поселение. Стена начиналась от обрыва Сиаба, там, где ныне могила Ходжа Даньяра и, пройдя почти прямо в южном направлении около 125 сажен, поворачивала на запад, тянулась на 350 сажен и затем делала поворот сначала на с.-з., а потом прямо на север и, пройдя еще 195 сажен, примыкала к первой

Вторая стена, восточная часть.

стене. Эта стена почти на всем протяжении сохранилась отчетливо в виде вала, местами доходящего высотой до 5 метров и шириною в основании до 7. На значительном протяжении с южной и западной сторон она сопровождается большим рвом. К середине южной части этой стены с внешней стороны примыкает концами особая стена, огораживающая площадь в $\frac{3}{4}$ десятины, имеющую вид слегка вытянутого с востока на запад четырехугольника.

Далее была построена еще одна стена, и поселение на Афрасиабе вновь расширилось. Остатки этой стены начинаются у обрыва Сиаба против мельницы бывшей Мирошниченки. Стена шла по краю высокого обрыва оврага, сначала почти параллельно предыдущей стене, в 30—40 метрах от нее, потом поворачивала почти под прямым углом и шла к ю.-в. углу этой стены и, не доходя до него всего лишь метров десяти, вновь направлялась на юг, а потом на ю.-з. Затем, сильно изгибаясь и меняя направление, она шла в общем к западу и доходила до обрыва глубокой впадины. Здесь она поворачивала прямо на север, шла сначала по краю откоса впадины, потом спускалась в низину и, близко подойдя к последней описанной стене, шла параллельно ей, образуя с этой стеной как бы двойную стену. Она имеет здесь ров как с той, так и с другой стороны. Протяжение третьей стены около 1150 сажен и площадь внутри ее равна приблизительно 67 десятинам, со включением первых двух поселений. Толщина и высота ее, примерно, такие же, как и предыдущей стены. Местами она имеет отчетливую кладку из сырцового кирпича.

Третья стена, южная часть.

Как сказано уже, в северной части городища находилась цитадель, занимавшая самую возвышенную местность на Афрасиабе. Площадь ее имела, повидимому, форму квадрата около 40 сажен по сторонам, но теперь несколько изменилась, так как самый холм ополз, и края его раскапывались. Поверхность его в теперешнем состоянии представляет ровную площадь около 1400 кв. саж., круто обрывающуюся во все стороны, за исключением восточной, ближе к ю.-в. углу, где была устроена насыпь для под'езда к главным воротам цитадели, последовательно поднимавшаяся до уровня горизонта ее. Другой в ход цитадель был с западной стороны, в виде неширокой тропинки, поднимавшейся от подножия холма метров на 20 под углом менее 30° . Ход этот предназначен был для пешеходов, но и верхом, хотя и с трудом, можно было пользоваться им. Уровень поверхности цитадели возвышается над дном окру-

Вид цитадели с юга.

жающих его впадин метров на 18—30. Произведенные мною на холме цитадели лет 20 тому назад раскопки показали, что он искусственного происхождения. Холм этот сооружен был в несколько приемов—он последовательно повышался и расширялся путем укладки на нем слоев сырой глины (пахсы), которая и бралась тут же у подножия холма. Благодаря этому, и образовались здесь столь широкие и глубокие впадины, способствовавшие мощности цитадели. Вследствии того, что мокрая глина на холме образовала однородную чрезвычайно жесткую корку значительной толщи, раскопки здесь затруднительны. Следов стен, которые окружали цитадель, ныне не заметно, но в ю.-з. углу холма имеются остатки круглой башни, заложенной в полугоре. Она была полая внутри, сложена из сырцового кирпича. Башней этой определяется

Остатки угловой башни цитадели.

направление южной и западной стен, бывшее до оплыва откосов холма. На уровне основания башни по середине южной стороны холма цитадели находились два казарменного типа здания, также из сырцового кирпича, вытянутые в одну линию, с узкими окошечками на юг, со ступеньками, ведущими на поверхность холма, и сплошными лежанками у северных стен внутри помещений. Размеры ближайшего к башне здания 4 × 7,5 мет. и второго 4 × 9 метров. В с.-в. углу при раскопках оказалась также башня из сырцового кирпича. Почти против самого в'езда с восточной стороны на холме была обнаружена комната 2,4 × 2,5 м., устроенная в земле из сырцового кирпича и сохранившая на высоту 2,5 м. Вход в нее был по ступенькам, спускавшимся с в. стороны. На холме при рытье траншей обнаружены были в разных местах свыше десятка заваленных землей колодцев. Часть их была очищена до дна и оказалась ямами отхожих мест и сливными колодцами, глубиною до 20 метров. Проба в бок колодцев на глубине 7 метров дала слой пахсы. Начинаясь непосредственно от теперешней поверхности холма колодцев не обнаружено—начало их лежит на разной глубине под слоем пахсы, что указывает на разное время их откопки. Удивительно то, что несмотря на ряд пересекающихся траншей, доходящих глубиною до 3-х метров, фундаментов каких-либо построек, а также остатков строительного мусора на холме обнаружено не было. Возможно, что последние здания на холме были каркасные не оставляющие обычно никаких следов уже через короткое время.

Точно также холм не дал почти никаких археологических предметов. Цитадель сориентирована правильно по частям света, и потому направление ее не совпадает с направлением расположенной на запад от нее соборной мечети, ориентированной на зимний закат, т. е. на Мекку.

В мусульманских исторических источниках нигде нет упоминания о внутренних стенах прежнего Самарканда. Возможно, что ко времени появления этих источников внутренние стены уже утратили свое значение. Впрочем, это подтверждается, как раскопками, так и самими историческими материалами, так как ранние из источников застают уже наружные стены. Поэтому о том, где расположены были во внутренних стенах ворота, можно говорить, только основываясь на теперешних обследованиях.

В стенах первоначального поселения на Афрасиабе ворота могли быть, судя по характеру местности, в двух местах—в южной стене на запад от цитадели и на восток, по продолжению въезда в цитадель, близ обрыва арыка Сиаба, где и теперь имеется дорога, ведущая на холм цитадели. В южной стене для ворот удобнее всего место западнее соборной мечети. Из этих ворот дорога последовательно спускалась к Сиабу и далее вела в Бухару, а другая могла вести на юг. Возможно также, что из восточных ворот одна дорога направлялась на Сиаб, к которому тут же по близости был, вероятно, спуск, а другая шла на восток.

В стенах второго поселения, исходя из теперешних топографических возможностей, одни ворота, вероятно, были у стыка этой стены со стеной первоначального поселения в ю.-з. углу, где из ворот вели уже готские пути. Другие ворота были в южной стене, там, где к ней примыкает в виде скоса другая стена, повидимому, построенная для охраны этих ворот, с внешней стороны которых нет рва, ибо здесь в поселение входил арык, о чем будет сказано дальше. Затем с северной стороны ворота могли быть скорее всего у спуска к Сиабу, упомянутого выше.

В третьей стене топография местности заставляет предположить нахождение ворот как раз против ворот во второй стене. Однако, местность позволяет в этой стене устроить еще ворота у западной части, там, где стена подходит почти вплотную ко второй стене. Ворота и спуск к Сиабу оставались на старом месте.

Если считать, что внутренний город (шахристан) Самарканда при арабах, с VIII века заключался в границах теперешнего Афрасиабово-городища, а полагать иначе как будто нет оснований, то кажется, что описанная выше наружная стена являлась стеной внутреннего города. В этой стене, по словам арабских писателей, было четверо ворот: на востоке—Китайские, на западе—Наубехарские или Железные, на севере—Бухарские и на юге—Кешские или Большие. К сожалению, более точных данных о расположении ворот не дается. Так как эта стена далеко расположена от линии предыдущей стены со всех сторон, то нет уверенности в предположении, что ворота в ней лежат против ворот в предыдущей стене, как это можно наблюдать по отношению к остальным воротам в более ранних трех стенах.

Принимая во внимание, что внешняя стена на всем протяжении шла по краю высокого и широкого обрыва, к городским воротам в ней должен быть подъезд в виде насыпи с наружной стороны или понижающийся спуск с внутренней. В первом случае сами ворота должны были находиться в стене, а во втором—в выемке, ниже стены. Впрочем, не исключается и третье положение, среднее, при котором одновременно был и спуск и подъем к воротам. Поэтому там, где был спуск к воротам, ныне следовало бы наблюдать со стороны городища

понижение горизонта и выемку не только в стене, но и в самом обрыве, или же выемку в стене, присыпку или рампу к ней с наружной стороны. Последний признак установить труднее, так как ров перед стеною с западной стороны с незапамятных времен выравнивался под поля и сады, а с восточной, где протекает большой арык Аби-Машат, ров сильно углубился и расширился. В западной стене, в южном конце ее, имеется одна пробоина недавнего времени, снабжающая население Самарканда глиной, и далее на север—три седловины в ней, при чем только две крайние с низким уровнем, приближающимся к уровню прилегающей местности внутри городища. Только в одной из этих седловин могли быть Наубехарские или Железные ворота. Против северной седловины на противоположной стороне рва находится большое, занятое садами, кладбище с могилой Мухаммад Санг-расана, упоминаемой еще в первые века ислама. Так как кладбища в Туркестане устраивали обычно, если позволяло место, непосредственно за городскими воротами, то можно полагать, что ворота были именно в этом месте стены. Под одной седловиной имеется промыв, образованный потоком стекающей сюда дождевой воды, при чем кладка стены над отверстием промоины делает сомнительным предположение, чтобы здесь были ворота.

Ворота с северной стороны, т. е. Бухарские, находились скорее всего в том месте, где был спуск к Сиабу, близ ворот первой, второй и третьей стены городища, на запад от цитадели. Здесь и теперь проходит дорога. Путь на Бухару, таким образом, лежал по правой стороне Сиаба. Это единственное место в северной стене, где целесообразно было поставить ворота в направлении на Бухару. Как уже сказано, юго-западный угол стены на значительном протяжении не сохранился, а именно здесь и должны были быть большие или Кешские ворота, дорога из которых вела на юг. В настоящее время с этой стороны на Афрасиаб ведут две колесных дороги—одна западнее мечети Хозрети-Хызра, легкая, с пологим въездом, и другая южнее, более трудная, с крутым подъемом. Возможно, въезд был между этими двумя дорогами, где ныне кладбище, западнее Хазрети-Хызра. В остальной части южной стены, в направлении к Шахи-Зинда нет признаков, указывающих на место ворот. Китайские ворота, находившиеся в восточной стене, вероятнее всего, были расположены по теперешней дороге через Афрасиаб в Галя-тегерман, где она пересекает внешнюю стену. Дорога тут идет сначала в длинной выемке, параллельной валу и затем врезывается в обрыв, на котором лежит этот вал, и выходит на дно бывшего рва. В других частях восточной стены нет старых проломов и седловин, где бы можно было поместить ворота.

Раньше уже был высказан взгляд, что стены на Афрасиабе, которых имеется четыре линии, строились разновременно по мере того, как население, увеличиваясь, занимало все большую и большую площадь. Однако, против этого может быть выдвинуто возражение, и постройка параллельных стен объяснена недостаточной защищенностью города при наличии одних только внешних стен, а также желанием огородить стенами отдельные кварталы города. То или иное положение, при отсутствии исторических материалов и незначительности произведенных раскопок, доказать трудно. Многочисленные монетные находки и данные из раскопок говорят за то, что наружная стена существовала уже при первых Саманидах (IX в). Конечно, вопрос о времени постройки тех или иных стен разрешался бы просто, если бы культурные слои в промежутках между стенами давали бы разный материал. Но на ряду с жизнью в стенах города существовала одновременно такая же жизнь и у стен с наружной стороны, а мусор и битую посуду, вероятно, выбрасывали за город-

ские стены на пустыри, почему и слои на Афрасиабе, занимающем сравнительно небольшую площадь, сильно перепутаны. Наружная стена была огромна, с трех сторон почти неприступна и с южной также очень хорошо защищала город. Нужно ли было при таких условиях строить еще внутренние стены, менее основательные, легко доступные, хотя бы с южной стороны. Большая стена, окружающая в Самарканде сады и пригороды—Дивари-Кыямат—местами двойная, но вторая поставлена очень близко от первой, в нескольких шагах. Между тем на Афрасиабе одна стена от другой поставлены так далеко, что с потерей наружной стены защитники теряли сразу $\frac{2}{3}$ города, а за последней стеной оставалась только $\frac{1}{16}$ часть его, в сущности один только квартал, который и защитников-то мог вместить малое число. Кроме того, указано уже было, что стены внутренние, а в особенности первые, сохранились значительно хуже, чем наружные. Следует полагать, что если бы рассчитывалось на крепость внутренних стен, то их содержали бы в одинаковой исправности с наружными. Между тем, пример Бухары указывает на то, что города, увеличиваясь, раздвигали свои стены. Возможно, что в Самарканде пользовались и внутренними стенами при обороне, как уже готовыми, но было бы неправильно полагать, что они возведены одновременно с внешними.

Относительно третьей стены можно сказать, что она построена незадолго до наружной, так как при ее возведении разрезали ров ю.-в. часть квартала горшечников с их печками и домиками, часть которых оказалась под третьей стеной. Посуда из этих печек гончаров относится к VIII—IX в.в.

Об орошении Афрасиаба—кроме лишь того, что вода входила в город через Кешские ворота, переходя ров перед ними по свинцовому желобу, ничего из исторической литературы неизвестно. Для орошения Афрасиаба, площадь которого не превосходит 175 десятин, воды требовалось немного, во-первых, потому, что в его районе много мест, лежащих выше уровня арыков и, следовательно; не орошавшихся, и, во-вторых, при густоте населения было лишь небольшое количество древесных насаждений. За городские стены транзитом не было надобности пропускать воду, так как туда было удобнее провести воду из других мест. Для потребностей населения, где нет орошения земель, достаточно пропускать в город небольшое количество воды, что мы видим на примере Бухары. Надо полагать, что в Самарканде на Афрасиабе, даже в пределах его внешней стены, вода входила по небольшому желобу. На площади городища сохранились русла арыков, по крайней мере, главнейших. Их, повидимому, было три, при чем один из них, пересекавший Афрасиаб с юга на север, служил главной водной артерией во все периоды существования здесь населения. Только с постройкой внешней стены явилась надобность через образованный перед нею ров перекидывать свинцовый желоб. Когда же не было рва, с южной стороны вода могла входить на теперешний Афрасиаб по обыкновенному арычному руслу. Нужно сказать, что ров с этой стороны значительно был увеличен тогда, когда при Тимуре была возведена стена нового города Самарканда, подходившая у места бывшего свинцового желоба к старой стене. Новая стена, конечно, не раз починалась, и землю для нее брали тут же с внешней стороны, чем вновь увеличивался ров.

Главный арык, войдя в Кешские ворота или рядом с ними, направлялся на с.-в. и, пройдя около сотни сажен, до теперешнего мазара Шейха Басира, поворачивал на с.-с.-в. и протекал в направлении на цитадель. Это был единственный арык для орошения города в первых трех его стенах. Характер местности не позволял провести в него воду

с другой стороны. Главный арык ныне представляет широкое ложе с проложенной по нему дорогой, позволяющей раз'езжаться двум арбам. Конечно, такой ширины арык здесь не мог быть. Весьма вероятно, что арык этот протекал по обочине улицы, как сплошь и рядом это можно наблюдать в Средней Азии и теперь. Падение воды в нем было слабое. В промоинах виден чупанатинский ломанный камень, которым, может быть, арык был обделан. В первоначальное поселение вода входила по землянной насыпи, пересекавшей поперек роз у ю.-з. угла цитадели. Насыпь эта в значительной мере сохранилась до наших дней на всем ее протяжении (около 75 метров) в виде вала, высотой до 6 метров, при ширине у основания до 5 метров. Впрочем, возможно, что и с южной стороны, где устроена насыпь, вода первоначально входила по руслу в грунте.

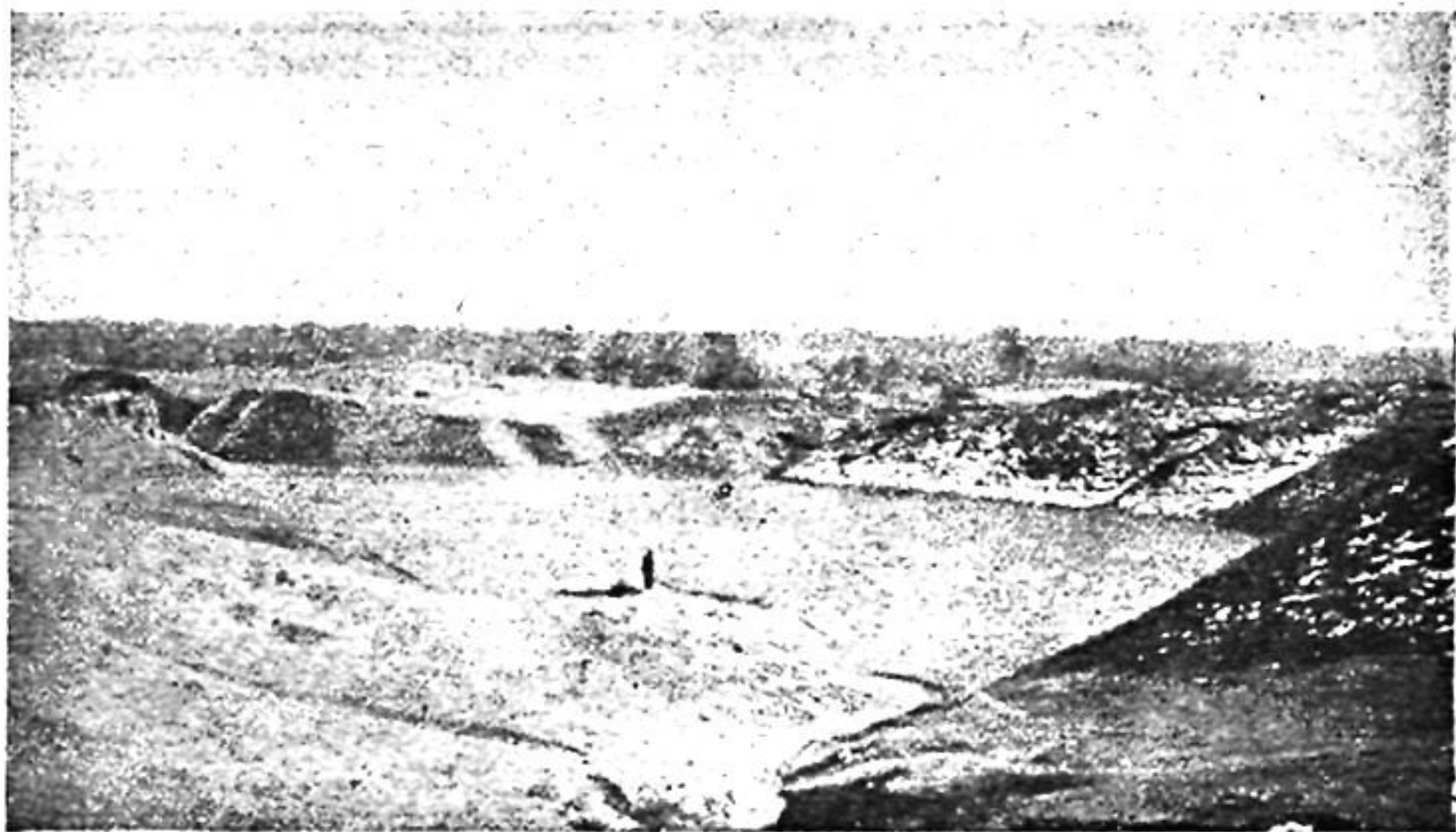
У названного мазара Шейха Басира с правой стороны выделялся отвод, который уходил в восточном направлении к теперешнему еврейскому кладбищу. При проведении русскими почтовой дороги ложе арыка было выравнено и сохранилось только близ кладбища. Этим арыком орошалась восточная часть городища в последней стене. Но еще раньше, только что войдя в город, главный арык выделял левый отвод, который от западной стены мечети Хазрети—Хызра направлялся прямо к Бухарским воротам. В конце этого арыка образовались глубокие каньоны, по которым сточные дождевые воды скатываются в место, где были Бухарские ворота. В расстоянии приблизительно 80 метров от головы арыка ложе его становится глубоким, резко очерченным и совершенно прямым. Глубина его над теперешним уровнем в среднем около 4 метров. Раскопки в разных местах берега показали, что постройки подходили к самому арыку и тут образовался толстый береговой культурный слой. От головы метрах в 200 западный арык выделял отвод, который протекал почти параллельно первому, не уходя от него далее 60 метров. Уровень отвода несколько выше уровня первого арыка. Отводом орошалась западная часть города.

Из указанных арыков были выведены более мелкие отводы, иногда с помощью труб из обожженной глины (кубур), часто находимых при раскопках на значительной глубине, тянувшихся на десятки сажен. Вследствие засорения отводных арыков и изменения рельефа, их проследить или трудно или без раскопок невозможно. Тем не менее, и теперь можно сказать, что не все местности Афрасиаба могли быть орошены вследствие значительной высоты над уровнем арыков.

Вся средняя полоса площади Афрасиаба, вытянутая с юга на север, представляет более возвышенную местность, а полосы—восточная и западная—низменности, но общий наклон во всех полосах идет с юга на север. С средней, как более возвышенной части города, можно было бы сбросить воду в низменные полосы на восток и на запад, но отчетливых признаков такого сброса нигде незаметно. Обрывы, ограничивающие среднюю полосу с востока и запада, не благоприятствовали проведению с верхней полосы на нижние арыков.

По всему Афрасиабу разбросаны разной величины котловины-ямы, более или менее закругленные в своих очертаниях и замкнутые. Только между второй и третьей стенами ям нет. Вообще же ям нет там, куда не могла попасть вода из арыков. Уровень ям ниже тех арыков, которые могли бы подавать в них воду. Совокупность этих признаков наводит на предположение, что ямы на Афрасиабе не что иное, как общественные хаузы. Конечно, нельзя допустить, чтобы на Афрасиабе не было хаузов и не была бы предусмотрена важная сторона всякого укрепления—запас воды на случай отвода от крепости арыков, что во-

обще говоря, дело очень легкое и обычное. Спор может быть не о том, имелись ли на Афрасиабе хаузы, а лишь о возможной величине их. Афрасиабские ямы превосходят размеры современных хаузов в несколько раз и даже самого большого из них—Надыр-диван-беги в Бухаре. В Самарканде Тимуровском, несмотря на ряд источников, пробивающихся в берегах ручья Навадан, имеется множество хаузов, запасами которых пользуются жители. На Афрасиабе ямы расположены реже. Конечно если принять во внимание постоянную потребность в воде населения на Афрасиабе, куда сбивалось и окрестное население в случае нашествия неприятеля, а также необходимость огромных запасов воды на случай длительных осад, может быть, и не следует поражаться размерами хаузов на нем. Если бы эти ямы, с другой стороны, не служили в качестве хаузов, то их конечно, завалили бы мусором, как мешающие городской жизни и как занимающие бесполезно большие площади при скученности населения. Даже если бы просто их предоставили собственной участи, то и тогда при городской жизни они потеряли бы свою правильную форму. Между тем видно, что когда-то они пользовались заботами, и стенки их не портились и не заваливались мусором. Нигде не заметно, чтобы эти хаузы обделывались камнем или кирпичем,

Большой хауз на Афрасиабе.

чтобы в откосах их были ступенки. Самая обширная яма, расположенная с южной стороны у третьей стены, вмещала до миллиона ведер.

Кроме хаузов, во всех частях Самарканда на Афрасиабе находилось и не малое количество колодцев. Подпочвенные воды находятся здесь, начиная с 30-и метровой глубины. В обнаруженных при раскопках колодцах, отверстия которых были прикрыты каменными плитами от засорения, оказалась вода в обилии и хорошего качества. Таким образом, фильтрация в них в течение многих веков продолжалась. Жерло колодцев на глубину 2—2½ метров тщательно обделывались обожженным кирпичем на алебастровом растворе. Следов каких-либо приспособлений для вытягивания воды из колодцев не оказалось. Один из открытых колодцев оказался оригинальным—он представляет спускающийся под откосом градусов в 35 корридор, вырытый в земле в виде полуциркульного свода, высотой в рост человека и при ширине несколько меньше

метра так, что в нем мог двигаться человек, неся по кувшину в руках. Оканчивается корридор на глубине 42 метров сводчатым юртообразным помещением с ямкой посредине пола, наполненной ключевой водой. В полу коридора сделаны ступеньки, в стенах ниши с сиденьями для отдыха. Стены в нишах покрыты копотью от свечей или чирагов. Вход в этот колодезь находился в одной из комнат дома близ теперешнего еврейского кпадбиша.

Раскопки мои на Афрасиабе, производившиеся еще в дореволюционное время в течение более десятка лет, имевшие лишь ориентировочный характер и в общем далеко недостаточные, установили местонахождение некоторых пунктов. На запад от цитадели находилась соборная мечеть. Против цитадели, у южного конца насыпи, по которой вода входила в первое поселение, находилась баня, построенная из жженого кирпича. От нея под слоем в два метра уцелела часть стены с тремя отверстиями в виде арок, ведущее в помещение для топков. Топки помещались ниже тогдашнего горизонта, прилегавшего к бане двора, выстланного булыжником. В топках и около них кучи золы, но главная масса ее спускалась в противоположную сторону, в овраг, куда стекала и вода из бани. Пол над топкою был из «кира», употребляемого в туземных банях и теперь. Тут же рядом с баней, повидимому, была торговля глиняной поливной посудой, светильниками, чашками, блюдами и кувшинчиками, преимущественно голубого цвета, судя по обилию сохранившихся черепков.

Между второй и третьей стенами, на восток от главного арыка, по возвышенности расположены были дворы горшечников с печами для обжига поливной посуды. Они занимали всю площадь от арыка до восточной стены и даже часть их переходила за стену в ю.-в. углу. Здесь приготавливалась посуда почти исключительно „саманидского“ типа, о которой будет сказано дальше. По другую сторону арыка находились печи для обжига неполивной посуды, бонб, „очажков“, светильников и проч. Печи эти выходили и за южную стену и были даже многочисленнее за стеной. Эти места были сплошь заселены горшечниками. Позднее горшечники обосновались в районе западного арыка, главным образом, между этим арыком и отводом из него, упомянутым выше, а также по берегам их, недалеко от места разветвления этих арыков, но произошло это в период после-саманидский, судя по посуде, обжигавшейся здесь. Кроме того, горшечники-одиночки были и в других местах Афрасиаба.

У западной внешней стены, близ Наубехарских ворот, раскопкой обнаружена была воронкообразная яма с узким отверстием и расширяющаяся книзу, глубиной около 6 метров и диаметром пола 3,2 метра. Похоже на то, что это был зиндан. У южного берега названного выше большого хауза случайно пробоем раскрыта часть комнаты с саманидскими матрицами, монгольским монетным штампом и монгольскими недочеканенными монетами. Здесь, надо полагать, был монетный двор в течение нескольких веков.

Следов улиц на Афрасиабе не осталось. Вообще поверхность городища не позволяет, хотя бы приблизительно, наметить места расположения улиц. Надо полагать, что улицы были узкие и кривые, местами рассчитанные только на пешую ходьбу или верховую езду, что отчасти подтверждено раскопками. Поэтому при разрушении зданий и заборов они легко завалились настолько, что не оставили признаков на поверхности. По обочинам улиц были узенькие тротуары из ломанного камня, местами имеются мостовые из речной гальки.

В период существования Самарканда на Афрасиабе, если и допустить существование монументальных зданий, то как исключение. К ним

надо отнести развалины минарета, отрытого на месте упомянутой соборной мечети, сложенного из больших квадратных обожженных кирпичей с тамгой, заключавшей написанное арабскими буквами слово „Ихшид“. Судя по основанию, сохранившемуся в земле, минарет должен был быть высоким. Вообще же зданий здесь из жженого кирпича почти не было, так как строительного мусора и лома, если предположить, что здания эти когда-то были снесены, не находится. Обожженный кирпич разных размеров употреблялся иногда на фундаменты, а чаще всего на настил полов. Дома на Афрасиабе строились глинобитные (пахса), из сырцового кирпича и каркасные. Перекрытия в кирпичных и глинобитных постройках иногда делались сводчатые из сырца. Стены в домах покрывались штукатуркою из глины с мелкой соломой, а иногда алебастровой. Оконные проемы в купольных помещениях устраивались не в стенах, а в куполах. Часть глинобитных и сырцовых стен, попавших под обвалы крыш и верхних частей стен, будучи под землей в течение веков, отлично сохранились и даже не утратили своей штукатурки. В каркасных домах каркас сгнил, и комки глины со штукатуркой осыпались, образовав валы на месте прежних стен, занесенные землей. Были ли вторые этажи, пока сказать нельзя. Конструкция купольных зданий из сырца или пахсы едва ли допускала вторые этажи. Вообще купольные перекрытия из сырца позволяли строить лишь небольшие, по преимуществу, квадратные помещения, почему дома обывателей были тесны. С скромность комнат в смысле площади иногда возмещалась отделкой стен и потолка: по алебастровой штукатурке накладывался красочный орнамент. Нельзя заметить, чтобы женские половины отделялись от мужских. С наружной стороны дома также оштукатуривались глиной с саманом (мелкой соломой), но незаметно, чтобы как-нибудь обрабатывались фасады.

Назначение комнат в домах, кроме кухонь, пока выяснить невозможно. В комнатах оставались в стенах углубления в виде нишек и полочек. Интересно, что находились куски гипсовых решеточек со вставленными в ячейки стеклышками-вероятно, от окон.

В дверях были железные колечки и цепочки. Случайно при провалах почвы и раскопках приходилось наткаться на подземные помещения, которых было много. С поверхности тогдашнего уровня под уклоном градусов в 45 под землю идет ход в высоту, обыкновенно несколько ниже роста человека, так что нужно проходить по нему, слегка нагибаясь, и около метра в ширину. Спускаться нужно по высеченным в земле ступенькам. Стенки прохода вертикальные и вверху сведены в сводки. Метра через 4—4,5 проход заканчивается комнатой, круглой или четырехугольной по полу и вверху имеющей сводчатый потолок. В диаметре такая комната около трех метров. В комнате у стен устраивается одна, чаще две земляные лежанки, длиною в рост человека, и в стенах вырезаются ниши в виде полочек. Как проход, так и самая комната оштукатуриваются глиной с мелкой соломой, в предохранение от обсыпания земли. В конце прохода, у входа в комнату, можно видеть часто гнезда от косяков. Окон, разумеется, никаких нет. Обычно никаких находок комнаты эти не содержат и назначение их определить затруднительно. Возможно, что это были кладовые, а может быть, и помещения, в которых спасались от летней жары.

Здесь уместно будет подчеркнуть такую особенность Афрасиаба—из нем не найдено, за исключением смежных с Шахи-Зиндою местностей, кайраков—намогильных камней с надписями, каковое обстоятельство как бы говорит за то, что в период жизни города на Афрасиабе здесь не было обычая хоронить покойников в городе. Это же подтверждается тем, что покойников несомненно старых, до-монгольских открыть здесь

не удалось. Сплошь и рядом могилы святых и знатных украшались еще в домонгольский период зданиями с терракотовым рельефным орнаментом (Узгент, Султан Измаил в Бухаре и др.). Ни следов мазаров, ни терракотой украшенных зданий на Афрасиабе открыть также не удалось. Между тем в окрестностях Самарканда и в особенности в теперешнем туземном городе кайраков с надписями и с датами того времени, когда Шахристан процветал на Афрасиабе, имеется множество, как и терракотовых украшений зданий. Правда, на Афрасиабе находили и теперь находят куски от глиняных гробов (оссуариев), но это потому, что и самое производство их было здесь же на Афрасиабе, как и торговля ими.

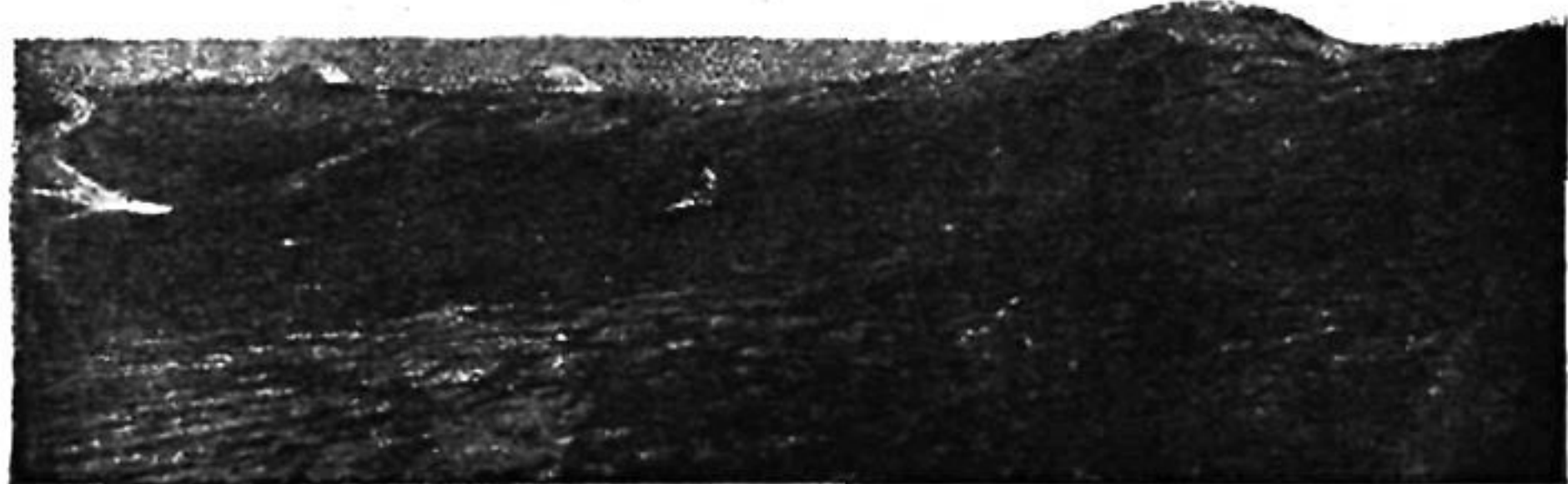
Самарканд на Афрасиабе имел вид сильно укрепленного города. Однако даже в пору своего цветущего состояния он едва ли отличался большою привлекательностью с маленькими глиняными домиками, беспорядочно и тесно поставленными, с узкими улочками, с слабой растительностью, при отсутствии больших монументальных зданий. Но все же он был живописнее других больших городских центров того времени, расположенных на ровной местности. Разбросанный по холмам, с большими водсемами, с высокой цитаделью, с красивым видом на окружающие его с трех сторон горы с окрестностями, покрытыми сплошными садами—он не мог не производить внешнего благоприятного впечатления.

Окрестности Афрасиаба представляют следы былой заселенности, местами не менее значительной. В особенности это следует сказать о пространстве на запад от Афрасиаба до бывшей Намазги и на юг от нее. Эта местность дала большое количество черепка посуды, одинаковой с афрасиабовской. Намазга находилось всего в $1\frac{1}{4}$ версты от Афрасиаба и огорожена была стеной, остатки которой до последнего времени отчетливо выделялись на ровной местности. Стена имела вид правильного четырехугольника, вытянутого с юга на север, и заключала площадь около 12 десятин. Надо полагать, Намазга была основана на месте «бегар»—буддийского храма, по имени которого назывались западные ворота на Афрасиабе. На юг от Афрасиаба, в $\frac{3}{4}$ версты от него, находилось укрепление Джагар-диза. Ныне это возвышенное место расположено по смежности с еврейским кварталом г. Самарканда, занято старым мусульманским кладбищем и мазаром шейха Мансура Матыриди. Крепостца Джагар-диза, судя по надмогильным камням (кайракам), в обилии здесь находящимся, уже в XI веке служила кладбищем. Черепок посуды тут также Афрасиабовский, встречающийся на ряду с черепками последующего времени. В Джагар-дизе раскопок не было, и черепки попадают на поверхности, выброшенные из глубины при рытье могил. Такие же черепки находятся восточнее этой крепостцы по берегам арыка Аби-Машата в засыпанных старых отхожих местах и ямах. На север от Афрасиаба, саженьях в 200 от могилы Ходжа Данияра, среди садов находится и теперь крепостца, площадью менее десятины, возвышающаяся над окружающей местностью сажень на 5 с обрывистыми краями. Далее на север от нее в засыпанных выгребных ямах обнаруживается типичный Афрасиабовский черепок.

Путем систематических раскопок на Афрасиабе будет, конечно, определено время возникновения на нем поселения, в частности в пределах каждой из его стен, и решены другие вопросы. Но ныне об этом можно говорить только приблизительно. До настоящего времени здесь датированных предметов, за исключением монет, совершенно не было найдено. И вообще по отношению к предметам, находимым не только на Афрасиабе, но и в других местах Туркестана, на основании тех или иных признаков не установлено никаких дат, даже периодов. В этом отношении приходится идти целиной и потому без нужной твердости и

уверенности. Поэтому же в наших условиях работы монеты, находимые в раскопках, представляют исключительную ценность для датирования предметов.

Самыми поздними монетами, находимыми при раскопках на Афрасиабе, являются монеты Менгу-Хана 660 г. хиджры. Их находят только в южной части городища. Надо полагать, что к этому времени население из северной части города, после разрушения Чингиз-ханом в 1219 г. стен города и, вероятно, водопровода «свинцовый желоб», передвинулось на юг, а потом и совсем ушло на то место, где раскинулся современный туземный город Самарканд. После этого в южной части покинутого города стали хоронить покойников. Однако, возможно, что местами в северной части городища стали хоронить несколько раньше, а потом постепенно перенесли кладбище все южнее. Затем повсеместно на Афрасиабе находятся монеты Хоразм-шахов, в особенности Мухаммада, сына Текеша. Во время войны с Чингиз-ханом им, повидимому, отчеканено было много медной монеты, которая попадает часто свежей, только что отчеканенной. Караханидские и Сельджукидские монеты встречаются реже, но зато в огромном количестве по всему Афрасиабу и в окрестностях попадают монеты Саманидов. Монеты хорезмшахов и Менгу-хана нередко находятся целыми кладами. Сравнительно мало находится монет ранних халифов и бухар-худдатов. Самыми ранними монетами являются здесь монеты последних сасанидов и бухар-худдатов, битых по типу Вараграна I. Любопытны нередко находимые на Афрасиабе монеты с буквой У или с рисунком в виде этой буквы, с двумя строками письма в виде веточек по ободку, иногда с изображением двух голов. Монеты эти пока не прочитаны и не определены. При моих раскопках и в числе несомненно найденных на Афрасиабе монет более ранних не оказалось. Таким образом, по монетным данным культура Афрасиаба устанавливается с IV—V и почти по конец XIII века. Конечно, эти цифры не окончательные, в особенности первая. В дальнейшем более обширные раскопки, надо полагать, дадут материал, который позволит удлинить период жизни на Афрасиабе. Уверенность в этом создают находки глиняной посуды значительной степени архаичности, о чем будет сказано ниже. Точно также следует сказать, что в ближайших окрестностях Самарканда, насколько пришлось убедиться из собственного опыта, а также из наблюдений за монетными находками, поступавшими на рынок, монеты указанных возрастов находятся—саманидские и хорезм-шахов чаще, остальные реже, но более старшего возраста монет, чем указанные выше, несомненно здесь найденных, видеть не пришлось.

Вторая стена, холмики в ней остатки башень.

ТЕРРАКОТОВЫЕ СТАТУЕТКИ.

Археологические находки на Афрасиабе, хотя и довольно многочисленные, пока не могут быть отнесены к числу таких, которые захватывают внимание всех или хотя бы широких кругов—они лишь представляют интерес для небольшой группы специалистов, с одной стороны, собирающих их и, с другой,—стремящихся проникнуть в тайны бытовой обстановки далеких веков. К числу таких находок относятся терракотовые статуетки, головки и рельефные фигурки на терракотовых плиточках, представляющие для истории местного искусства исключительный интерес. С одной стороны, имеется налицо полное основание видеть в этих предметах отчетливо выраженное эллинистическое влияние и, с другой, повидимому, надо видеть в этих статуетках и головках воспроизведение живых людей. Если мы будем отыскивать в Средней Азии эллинистическое влияние в искусстве, то прежде всего должны обратиться к терракотовым статуеткам и головкам. Вместе с тем наши знания до-мусульманской старины Средней Азии весьма ограничены и неустойчивы, и при скудости других материалов, головки и статуетки должны внести освещение в область истории быта.

На Афрасиабе, при раскопках статуетки, головки и терракотовые плиточки с людскими изображениями встречаются не часто и в большинстве плохой сохранности. Тем не менее, точно известно, что большая часть имеющихся в местных коллекциях этих предметов обязана своим происхождением Афрасиабу. Размеры их различны: высота статуеток 6—12 см., головок 2—6 см. и плиток 5—15 см. Однако, встречающиеся крупные, до 6 см., головки, хотя, повидимому, и являлись частью фигурок, но будучи всегда отломаны по шейке, не имеют соответствующих размерам этих головок корпусов. Плитки с рельефными изображениями встречаются только штампованные: точно также статуетки и головки, за редким исключением, тоже штамповались. Предметы эти несомненно местного происхождения, так как здесь же, на Афрасиабе и в окрестностях его попадаются не только бракованные из них, но и самые формы, помощью которых производилось штампование. Формы делались из того же материала, как и самые оттиски их, т. е. из глины (лесса), и подвергались обжигу, при чем лессовая масса бралась неодинакового состава, степень обжига применялась различная, как и способ обжига. Поэтому плотность и цвет этих предметов не одинаковы. Оттиск штампом делался только на лицевой стороне предмета и лишь отчасти захватывал бока, тыловая сторона оставалась плоской или слегка закругленной помощью пальцев руки. Поэтому каждый предмет делался одним штампом. Найдены штампы как для головок только, так и для статуеток. Статуетки, головки и рельефные плиточки получались плотными, не полыми внутри и без подставок. После штампования предметы, повидимому, подправлялись чем-то острым до обжига. Часть этих предметов окрашивалась в черный и красный цвета разных оттенков; чем дополнялось и оживлялось изображение. Предмет окрашивался весь целиком, для чего, повидимому, погружался в краску, которая была жидкой, располагалась ровным, тонким слоем, без подтеков. Окрашенных в разные цвета статуеток не встречается. Большинство статуеток и головок мужские, реже женские и совершенно нет детских. Изредка встречаются статуетки и головки не штампованные, вылепленные от руки. Они грубо примитивны, сделаны по-детски неумело, дают лишь общую схему человеческой фигуры, иногда с очень длинной шеей, при чем стмечается и пол фигуры. Они тоже подвергнуты обжигу.

По штампованным статуеткам, головкам и плиточкам с рельефом мы видим, что особенное внимание обращалось на обработку передней половины головных украшений и на отделку лица. Тут бросается в глаза всякая деталь. Передача черт лица и выражение его на статуетках и головках настолько индивидуальны, при сохранении расовых особенностей, что лицо имеет свойство портретного изображения. Как велико разнообразие этих портретов, видно из того, что из нескольких сот статуеток и головок, известных мне, найденных на Афрасиабе и в скрестностях, двух одинаковых, т. е. вышедших из одного штампа, не встретилось. К сожалению, у некоторых статуеток штампованной оказывается только голова, а корпус и конечности сделаны от руки грубо и безобразно. На таком корпусе изящная, художественная головка кажется контрастно-чужой. Тело даже в штампованных статуетках редко исполнено пропорционально в частях, в нештампованных оно, как правило, с укороченными конечностями, с руками, приплюснутыми к телу, пальцы едва намечены, мускулатуры вообще не чувствуется. Статуетки, как сказано, подставок не имеют, на собственных ногах они держаться не могут, показной у них является только передняя сторона. Поэтому надо полагать, что положение статуеток, а также головок и плиточек с рельефами, при пользовании ими было лежащее или стоящее в притык к какой-нибудь плоскости.

Мужские лица на статуетках, головках и плиточках с рельефами чаще без бороды, но не редко с большими усами. Повидимому, в этот период сбривались не только бороды, но иногда и усы. Волосы же на голове густы и длинны, часто спадают прядями кудрей и вообще подобраны в красивую прическу. Иногда безбородые мужские лица, обрамленные длинными волосами, бывает трудно отличить от женских. Скрыты волосы только у некоторых широколицых тюркского типа фигурок под войлочными и меховыми шапками. Женские головки с роскошными волосами, с причудливыми и вычурными прическами, то стянуты обручами, то украшены диадемами и кокошниками. Иногда волнистые волосы поднимаются на голове двумя и тремя ярусами, перехваченные повязками. Впрочем, и мужские головки и статуетки более раннего времени украшены самыми разнообразными с массой подробностей диадемами. Вообще говоря, черты лица правильны с тонким мягким овалом. Так как статуетки и головки передают изображения людей молодого или зрелого возраста, то лица всегда без морщин. Глаза делались обычно удлинённые, часто в виде миндалин, приподнятые слегка к вискам, чуть косоватые, без зрачков, но у широколицых головок глаза часто широко раскрыты с резко очерченными веками. Впрочем, изредка на месте зрачков делались круглые углубления. Бровные дуги тонко очерчены и часто лоб высокий, открытый, гладкий. Нос правильный, прямой, иногда плосковатый, горбатых носов почти не встречается, как и смятых, широких. Рот хорошо очерчен, иногда выразителен. Губы иногда суховаты, реже очень толсты и оттянуты. В ушах обычны серьги разного вида — иногда подвески, иногда диски. На голой шее всегда ожерелье то в один, то в два ряда из крупных предметов или в виде обруча и цепочки с привесками в один или два шарика.

Выражение лиц у статуеток, головок и у фигур на плиточках с рельефом почти всегда серьезное, несколько величавое, взгляд, по отсутствию зрачков, неподвижный и холодный. Явно смеющиеся или плачущие лица крайне редки. Точно так же, как редкое исключение, встречаются лица, поставленные не строго в анфас, а с легким поворотом в сторону, и также с намеком на улыбку или грусть. В профиль не отштампована ни одна голова, хотя, казалось бы, конные фигурки, на которые обычно

смотрят с боку, надлежало бы изображать именно в профиль. К этому надо добавить, что и самые позы статуэток всегда неподвижны, не выражают движения, гибкости и свободы. Даже фигурки всадников мертвонеподвижны, как не выражают движения статуэтки, играющие на флейте или балалайке.

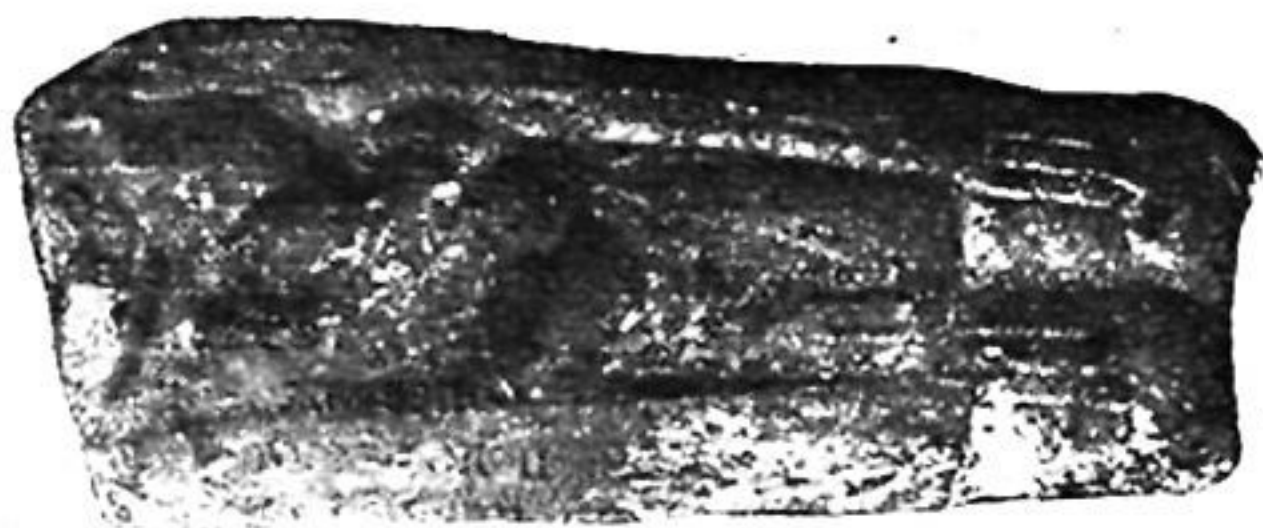
Восток был скромнее своих учителей—эллинов: до сего времени очень мало найдено голых статуэток или оголенных в какой-либо части, обычно прикрываемой одеждою. и то часть их сделана от руки и скорее

всего от неумения вылепить одежду. Голое тело крайне грубо, без мускулатуры, и ноги обыкновенно без икр и коленей, прямые. Некоторые статуэтки изящно задрапированы в длинные широкие одежды с массою складок, спускающиеся до земли и закрывающие ноги. В этих случаях можно отличить две

12. Фигурка в длинной сдежде.

одежды—рубашку, вертикальными складками упдающую до земли из-под хитона, и самый хитон, нижняя часть правой полы которого часто переброшена через левую руку. Хитон ниспадает ниже колен и образует ряд дугообразных складок. Однако, ни одна из фигурок в таком облачении не сохранила головы, которая, как сказано, легко отламывается в тонкой шейке и потому весьма досадно, что до сего времени

13. Фигурка в плаше.

не удалось узнать, какого типа были принадлежавшие им головы. Вертикальными же складками у некоторых статуэток ниспадает с плеч шарф, пропущенный концами под сложенные на груди руки. У большинства же статуэток поверх гладкой или со складками ру-

башки, спускающейся несколько ниже колен, наброшен узкий, несколько короче рубашки, не сходящийся напереди безрукавный плащ, с оторочкой по подолу. В этих случаях руки выдвинуты из-под плаща на грудь и живот. Естречаются на статуэтках также кафтаны в талию, перетянутые поясом, доходящие до колен, а также кольчуги. Вообще же в одежде наблюдается значительное разнообразие. У рубах и кафтанов воротников нет, и для шеи в них оставлен широкий проем, так что часто открыта

14. Фигурка в сапогах.

часть плеч и груди. В штампованных деликом статуэтках ткани одежды образуют достаточно естественные складки и натянуты в местах неровностей тела, особенно рельефно выделяя женские груди, на ногах мягкие сапоги с короткими голенищами, в которые всунуты широ-

кие штаны. Голенища поверху загнуты или имеют оторочку в виде толстого ободка. Ступни ног поставлены в стороны. Женские статуетки обычно держат в прижатых к груди руках—в одной круглый предмет, может быть, яблоко, и в другой—трилистник, а мужские—часто короткую, гладкую палку с набалдашником у конца—скипетр или булаву, при чем один конец находится в зажатой руке, а другой помещен на плече. Женских фигурок с такой палкой и мужских с названными женскими атрибутами нет. Окрашивались безразлично мужские и женские статуетки. На окрашенных статуетках красная краска сохранилась отлично, тогда как черная осталась только в углублениях и складках. Эту же красную краску мы находим на посуде, о чем будет сказано дальше. Местами красная краска отстала в виде тонкой скорлупы. Встречаются фигурки значительно потертые, со следами значительного употребления, как-бы изношенности.

Несмотря на большое разнообразие в типе головок и статуеток, в головных украшениях и в одежде, несмотря на крайне различную степень художественного их выполнения, на принадлежность разному времени, между ними имеется то или иное сходство, та или иная степень родственности, указывающие на общий источник их происхождения.

Систематизировать головки и статуетки по типам затруднительно только в отношении меньшей части их, которая представляет отчасти переходные формы. Основные же формы, охватывающие главную массу ма-

15. Греческий тип.

16, 17. Сассанидский тип.

18. Тюркский тип.

териала, легко поддаются определению. Вообще же, если исключить упомянутую меньшую часть и плиточки с плоскими рельефными изображениями, то головки и статуетки, подходя к решению вопроса грубо, можно разбить на три этнические категории: а) несомненно греческие и близкие по типу к греческим, с тонкими удлинненными лицами, высокими носами без переносицы, закругленными подбородками, часто с вычурными прическами, с широкими и длинными одеждами в складках;

19. Головка в шапке с наушниками.

б) сассанидские с высокими повязками и тиарами на голове, сходные с изображениями голов на сассанидских монетах, с точечным орнаментом, и в) тюркские с широкими плоскими закругленными, мясистыми лицами, низкими и широкими носами, часто в войлочных колпаках или в меховых шапках с наушниками, высокий, тонкий верх которых навален на сторону или вперед, известных и ныне в Средней Азии (тумак). У части их некоторый диссонанс в тюркские черты вносят широкие, открытые глаза, слегка на выкате. Правда, широкие, кругловатые глаза не свойственны типу тюрков, а шапки фригийского вида сближают, при некотором общем типом сходстве, обладателей

этих шапок со скифами, известными по раскопкам в Южной России. Однако, в костюме между теми и другими никакого сходства нет, за исключением шапок, а в чертах лица оно улавливается лишь постольку, поскольку его можно отыскать в бритом лице наших головок и боро-
датом в раскопках Южной России. Уверенности наличное количество головок в том, что тут мы имеем дело со скифами не дает, а потому пока что мы считаем их тюрками по общему типовому впечатлению.

Часть фигурок, главным образом тюркского типа, была окончена. Но конь и всадник почти всегда встречаются отдельно: обе фигурки делались независимо одна от другой. В сыром виде всадник укреплялся на коне, и потом производился обжиг, но место слепки их не было прочно, почему всадник легко отделялся от коня. При этом у всадника ноги делались всегда прямыми и круглыми с загибом вверху между ними в виде дуги, обхватывавшей спину коня. Правая рука всадника изогнута в локте и поднята вверх. В этой руке зажат конец нагайки или булавы, а другой расположен на высоте плеча. Левая рука, в которой должно предполагать повод, прижата к животу у пояса. Редко нагайка или булава держится левой рукой. Никаких отступлений в позах всадников не допускалось—статуетки эти чрезвычайно трафаретны, независимо от того, является ли всадником грек, сассанид или тюрк.

20. Сассанидский всадник.

Повидимому, в течение веков всадник оставался стереотипным. Однако, встречаются всадники, выштампованные в одном куске с лошастью, которая сделана от руки и тоже грубо. Значительное число статуеток без ног имеет признаки того, что они были конные—это означенный дугообразный изгиб

ниже живота. Всадник со своим холодным выражением лица на изящно отштампованной голове, с позой без движения, неестественно сидящий на грубо-примитивно слепленном коне, конечно, не может производить художественного впечатления. Штампованных коней не встречается, а делались они от руки, с неестественными частями тела, с толстыми прямыми ногами. Некоторые фигурки коней имеют уздечки, нечто похожее на седло и попону с кисточками.

Некоторые статуетки изображены играющими на дудке, приложенной к губам горизонтально или опущенной от губ вниз и доходящей до пояса. Изредка дудки двойные. На дудках незаметно каких-либо украшений или утолщений книзу. Некоторые статуетки левой рукой держат короткий гриф гитары, а кисть правой их руки лежит на круглой деке. Гитары имеют от трех до пяти струн. Играющих на других инструментах статуеток нет.

Особо стоят плиточки с рельефными изображениями. С одной стороны,

21. Буддийский «образок».

—это буддийские «образки» с изображением божества (часто Бадисатвы); в них отчетливо отражена традиция их родины—Индии, как в мотивах, так и в исполнении. С другой стороны, на плиточках имеются фигуры и даже целые сцены с иранскими элементами искусства.

Естественно у лиц, занимающихся историей Средней Азии, желание отыскать в находимых головках и статуэтках этнические типы насельников этой страны, бывших здесь задолго до арабов и в период их господства здесь,—согдийцев, культура которых в X—XI веках захватила даже часть Китая. Казалось бы, что согдийцы, коренные насельники страны, должны были отразить свой тип в терракотовых головках и статуэтках. Правда, мы не знаем, относился ли термин «согдийцы» к одной этнической группе или он объединял единые по письменному языку и культуре разные народности, но от этого дело не меняется, и в последнем случае, вместо одного типа, пришлось бы искать нескольких. Само собою разумеется, по состоянию современной науки о согдийцах, прежде всего на сближение с головками напрашиваются ягнобцы, которые по языку близки к согдийцам. Тип ягнобца устойчив, что объясняется полной изолированностью района их поселений в горах и браками только между собою. Черты лица ягнобца крупные—на длинном суховатом лице крупный с легкой горбинкой нос, большой рот с толстоватыми губами, сухой крупный подбородок, большие уши, открытые глаза. Из всего известного мне материала по головкам и статуэткам, часть их, относимую мною с некоторой натяжкой к греческим и часть неопределенных, но близких к сомнительным греческим, может быть, надлежит считать согдийцами—ягнобцами, так как эта группа их отчасти близка к ягнобцам. Однако, вопрос этот может быть решен только с расширением круга материалов.

22. Неопределенный тип.

Наконец, следует отметить, что в числе головок, представленных небольшим числом экземпляров, нельзя не узнать сразу же скифов: с густой смятой бородой, с всклокоченными или срезанными в кружок волосами, с крупными чертами лица.

Если ритуальное значение буддийских образков на терракотовых плиточках вытекает, так сказать, из их сущности, то назначение терракотовых головок и статуэток является большим вопросом.

Часть находимых на Афрасиабе человеческих головок с плоской тыловой поверхностью, принадлежит оссуариям, налепам на них. Для оссуариев налепы в виде головок штамповались самостоятельно, независимо от них, и потом в сыром виде прилеплялись к сырым же еще оссуариям в нужных местах. Затем уже производился обжиг оссуариев. Однако, головки оказывались не всегда прочно прикрепленными к оссуариям и иногда отваливались от тела оссуария, оставляя гладкое пятно в месте налепа. Таким образом, часть находимых головок несомненно имели погребальное значение, как принадлежность оссуария. Это факт неоспоримый. В налепах на оссуариях мы узнаем те же этнические типы, те же головные уборы, ту же технику работы, что и в головках на статуэтках и в отдельных круглых головках. Налеп иногда бывает больше, чем просто головка—он выделяет шею, руки, грудь. Правда, полной фигуры в виде налепа пока не дал ни один оссуарий, ни один фрагмент. Но фигуру легче и прочнее было отштамповать на самом гробу, чем наклепывать ее. Это мы и встречаем на терракотовых гробах, как и углубленный рисунок. Затем на крышках оссуариев иногда помещалась посредине большая, величиною

23, 24. Головки с оссуария.

в два кулака и больше голова с закругленной тыловой стороной. Возможно, что на крышках помещались и меньшие головки, которые сохранили на тыловой стороне следы пальцев и, следовательно, не были ни к чему прикреплены. Разумеется, головки не имели самостоятельного значения—на это указывает наблюдаемый во всех случаях излом в шейке. Часть их относилась к статуэткам, часть, вероятно,—к гробам. Некоторое подтверждение последнему находим в головках, у которых под шеей в

изломе имеется гладкий желобок, представлявший сквозное отверстие, когда головка прикреплена была к крышке оссуария. Вообще же статуэтки, как сказано, не были приспособлены к стоячему положению, хотя очень легко к ним можно было бы приделать подставки. Некоторые оказываются даже плоско срезанными чем-то острым с тыловой стороны. Очевидно, не было надобности в том, чтобы они стояли. Если бы это были игрушки или домашние божки, то естественнее предположить их в стоячей позе. В связи со всем этим и по аналогии с танагрскими статуэтками напрашивается предположение, не имели ли находимые на Афрасиабе статуэтки такое же отношение к погребальному культу, как и налепы головок на оссуариях, с тою лишь разницей, что их просто клали на гроб или с гробом, или в тех случаях, когда хоронили без гроба. Правда, до сего времени в нашем распоряжении нет фактов, которые указывали бы на несомненность нахождения терракотовых статуэток в могилах, но это объясняется просто тем, что здесь вскрытий до-мусульманского характера погребений пока не было за исключением случайных, открытие которых не было обставлено научно. Собранный материал вполне опровергает сомнения в том помещались ли на оссуариях цельные фигуры, вместо головок. Высокие образцы человеческих фигур на оссуариях мы имеем в коллекции Б. Н. Кастаньского на фрагментах, найденных в Бия-Наймане и им описанных. Но и на Афрасиабе найдено небольшое количество фрагментов оссуариев, решительно свидетельствующих, что и здесь на оссуариях штамповались рельефные изображения цельных фигур людей. Мною лично найдено два таких куска оссуариев—на одном сохранилась рука человека и голова архара, на другом куске помещено сильно рельефное изображение сидящей на огромном многолепестковом цветке женщины и рядом другого человека, от которого сохранилась часть руки.

Вопрос о том, к какому периоду времени следует отнести терракотовые статуэтки, в настоящее время едва ли может быть разрешен удовлетворительно. На Афрасиабе мы застаем их уже в законченном, совершенном виде. Здесь, в Средней Азии, чувство изящного в художественной промышленности никогда не было развито в той мере, как в Греции. Великое мастерство греков сказывалось даже в таких безделушках, как танагрские статуэтки. В Средней Азии то же искусство более грубо и более сухо. На Афрасиабе мы не имеем моментов последовательного развития в искусстве выделки статуэток. Здесь мы застаем расцвет и под

25. Голова архара.

26. Изображения на оссуариях.

влиянием мусульманства конец мастерства. Значит, начало возникновения статуэток следует отнести к более ранней поре, чем основано было поселение на Афрасиабе. Последняя народность, которая находит свое отражение в статуэтках,—это турки; монгол же нет. Точно также не встречается статуэток или образков, которые с уверенностью можно было бы отнести к христианским. В пересмотренном мною материале я не нашел головок аршанидского монетного типа, бухар-худдотов, евреев и вообще семитов, голсвоков и статуэток с арабскими головными уборами. Повидимому, ко времени прихода в Среднюю Азию монгол, ислам успел уже вытеснить многое несогласное с ним в обычаях и культе населения, в том числе и статуэтки.

О С С У А Р И И.

Говоря об Афрасиабе, нельзя не сказать, хотя бы несколько слов, об оссуариях, о которых, вообще говоря, уже написано в местной печати порядочно. Я находил здесь только фрагменты—на поверхности и во всех слоях. Но судя по испорченным при сжиге кускам, самое производство оссуариев было также и на Афрасиабе. Известны находки на Афрасиабе почти цельных гробов. К сожалению, обстоятельства их нахождения и местонахождение остались для меня неизвестными. Вместе с тем и окрестности Афрасиаба дали не мало таких находок. Однако, большое количество открытых на самом Афрасиабе погребений оказалось не в оссуариях, а исключительно мусульманского характера. Доказательств того, что в пределах его были похороны в оссуариях, мы пока не имеем. Повидимому, в IX—X в. в окрестностях Самарканда не было погребений в оссуариях.

Все найденные на Афрасиабе и вообще в районе Самарканда и его окрестностях цельные оссуарии и многочисленные фрагменты их свидетельствуют о том, что наши оссуарии были исключительно четырехугольные, в противоположность находимым на севере Туркестана круглым. Если считается доказанным, что в Греции найденные в большом числе круглые урны с крышками, похожие, как две капли воды, на аулие-атинские круглые оссуарии, своим видом воспроизводят жилища, в которых живут живые люди, то имеются все основания полагать, что аулие-атинские оссуарии являются уподоблениями круглых жилищ, а четырехугольные—жилищ обыкновенного типа. Из этого можно сделать заключение, что в период проникновения в Самарканд обычая хоронить в оссуариях здесь дома были четырехугольные, а на севере Туркестана круглые, при чем в Греции вторые предшествовали первым.

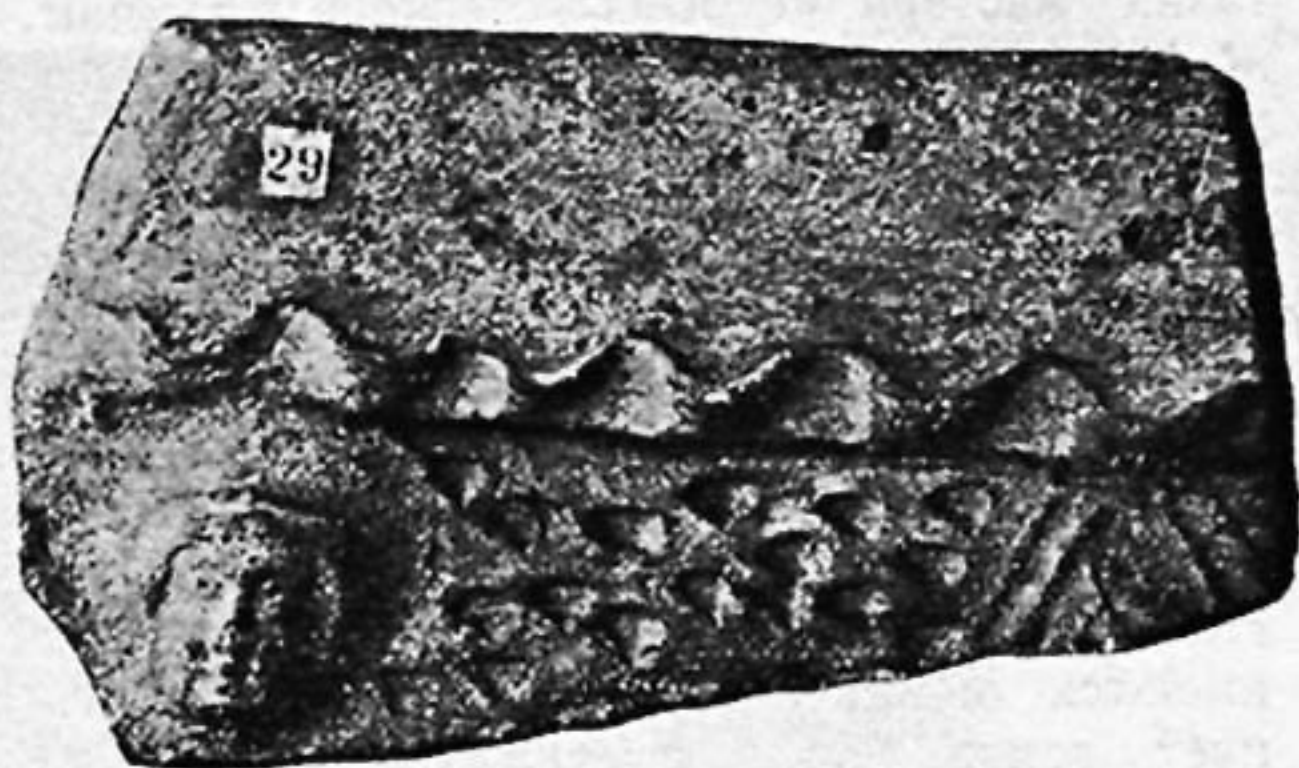
Затем найденные в Самарканде фрагменты крышек от оссуариев дают представление о форме этих крышек, которые также свидетельствуют о том, что оссуарии всегда были четырехугольные. Интересны крышки, имевшие вид двускатной крыши с пологими короткими сторонами. Если оссуарий делался по образцу дома, то и крыша его должна была соответствовать форме крыш жилищ. Двускатные крыши в некоторых местах Туркестана существуют и ныне. Правда, несомненно, что большая часть оссуариев, именно те, которые не имели внутри близ края сплошной полочки, служившей упором для краев двускатной крыши, покрывалась плоскими крышками, края которых с фасадной стороны, в пре-

дупреждение сдвигов, загнуты вниз под прямым углом, обычно в форме зубчатого карниза. Чаше, повидимому, крышка гроба состояла из нескольких рядом укладывавшихся поперек гроба терракотовых плит. Тип крышек, как у биянайманских оссуариев в коллекции Б. Н. Кастальского, состоящих из двух рядом поставленных пирамид с шишечками наверху и двумя ручками-скобочками с боков, в Самаркандских не встречается. Но, может быть, некоторые оссуарии оставались и совсем без крышек.

Давно уже было обращено внимание на то, что на четырехугольных оссуариях только одна сторона, именно одна из длинных сторон, подвергнута орнаментировке. Очевидно, только эта сторона служила показной, а остальные были в момент или после погребения скрыты от глаза зрителя. В сущности приложить штамп к одной или к двум сторонам, сделать, прочертив, одну-две арочки на одной или двух сторонах разницы в работе не представляло. И если на трех сторонах оссуария не делалось рисунка, то действительно в этом не было надобности. Точно также в плоских крышах верх гладкий, и орнаментированный загиб сделан только с одной лицевой стороны. Оссуарии сближают с жилищами не только такие архитектурные формы, как карнизы, арочки и колонки, но и подобие дверец и отверстий для света в орнаментированной стороне. Надо полагать, что старые формы погребального культа из прежней религии перешли в известном, может быть, преломлении в мусульманство. На старых кладбищах Самарканда и Бухары (Шахи-Зинда, Ходжа-Ахрар, Чар-Бакр, Бахавуддин) идет один или несколько узких проходов с вертикальными стенками в рост человека и более, за которыми на возвышении расположены могилы. Иногда устроены более или менее значительной высоты четырехугольные площадки с отвесными стенками, выложенными кирпичем или камнем. На этих обособленных площадках устроены фамильные склепы или непосредственно в земле похоронены родственники. Часто на кладбище делают над горизонтом почвы полые внутри полуцилиндрические сводки, в которые укладываются покойники один за другим в течение ряда лет. Точно также в склепах покойники не зарывались в землю, а ставились в гробах или просто клались на пол без гробов. Возможно, что это древние способы погребений, и кости в оссуариях ставились в нишах, сделанных в боках означенных проходов, в стенках площадок или в склепах. Тогда оссуарии могли быть поставленными таким образом, что зрителю была видна только одна сторона.

Если фрагментов от четырехугольных гробов имеется вообще большое количество, то от круглых их почти нет, а цельных круглых или овальных лишь несколько штук. Поэтому мы имеем хорошую осведомленность об орнаменте четырехугольных гробов и весьма слабую о круглых и эллипсических. Интересная спираль на круглых гробах Ташкентского музея, сближающая их с микенскими, не имеется вовсе на Самаркандских, на которых вообще подобных завитков нет. Прежде всего следует заметить, что совершенно неорнаментированных оссуариев не встречается. В худшем случае имеются карнизик и какие-нибудь подобия елочек и веточек. В большинстве на оссуариях орнамент нанесен рукою-пальцем, ножом и заостренной палочкой. Ножом вырезался ажурный сквозной орнамент, нередкий на гробах, чаще в виде треугольников. Нажимом пальца делались фестоны по валику, положенному вместо карниза, палочкой, а может быть и острием ножа, изображались елочки, всевозможные плетенки и арочки. Если говорить о гробах ходовых, заурядных, то большинство их имеет грубый орнамент, исполненный от руки, без штампа. Однако, довольно обычно было при этом

применение одновременно ножа, палочки с заостренным концом, пальца руки и штампа. Прежде всего к лицевой стороне гроба приклеплялся сырой еще в виде длинной сосиски накатанный глиняный валик - карнизик, который через короткие промежутки нажимом пальца прикреплялся к телу гроба, при чем получался во всю длину лицевой его стороны волнистый бордюрик с фестонами. Иногда он оставлялся круглым в верхней части, и фестоны делались лишь в нижней. Если нужно было, под этим бордюриком усаживали обычно три головки или по верху его сажались фигурки птичек. Затем заостренной палочкой или ножом на поверхности лицевой стороны, ниже карнизика, прочерчивались бо-

27, 28. Фрагменты оссуариев с налепами головок.

лее или менее глубокие две-три арочки или дужки, вершиной вверх, состоящие из одной или нескольких параллельных линий. Потом внутренность арочек и пространство между ними заполнялось елочками или круглыми ямками, копытцами, колечками или вырезанными ножом треугольниками. Затем, помимо всего этого, или взамен какого-либо из этого орнамента, наносился рисунок штампом—звездочки, цветочки, медальоны с геометрическим узором, или делались налепы в виде сосочков и бугорков. Иногда, взамен углубленных линий, для изображения арочек употреблялись тонкие валики, изогнутые нужным образом.

29. Фрагмент от оссуария с человеческой фигурой.

Реже встречаются оссуарии, более тщательно отделанные. Карнизу в них придан вид рельефной ленты с прочерченными пересекающимися линиями, иногда-же зубчатый, а иногда в виде вала с попережными дугообразными линиями и пр. Ниже карниза вырезались углубленные пальметы, плетенки, волнистые и ломанные линии, а иногда кресты, составленные из треугольников, расположенных острыми углами около одного центра. Затем, как упомянуто уже, были оссуарии с изображением людей и даже сцен.

Всматриваясь в орнамент на гробах, можно убедиться, что кажущееся разнообразие его достигалось путем комбинирования одних и тех же орнаментальных элементов. Здесь фан-

тазия мастера не была стеснена штампом, но не получила широкого приложения, может быть, ограниченная условиями культа. У нас нет оснований относить гроба с более примитивным орнаментом к более древним, так как в одних и тех же слоях встречаются фрагменты различных орнаментальных качеств. Надо полагать, что одновременно выделялись разные сорта оссуариев в смысле степени их художественного исполнения. Нельзя не упомянуть и о том, что если имеются окрашенные в красный и черный цвет головки и статуетки, то окрашенных гробов или частей их абсолютно нет. Последнее, может быть, надо объяснить тем, что такие громадные предметы, как гроба, неудобно было окрашивать при указанном способе погружения предметов в краску. Следует отметить также, что пока неизвестно ни одного фрагмента от оссуария с надписью.

30—34. Орнамент на оссуариях

ГЛИНЯНАЯ НЕПОЛИВНАЯ ПОСУДА (табл. I)

Наиболее старыми памятниками средне-азиатской живописи является красочная роспись на поливной глиняной посуде, находимой в раскопках здесь повсеместно в местах старой культуры. В этом отношении первое место занимают по обилию предметов, которыми мы располагаем, и по разнообразию мотивов глиняные поливные чашки и блюда самых разнообразных размеров. Чашки наравне с неглазурованными кувшинами здесь с давних времен являлись наиболее распространенною посудой. Глиняная посуда в Средней Азии пока извлекалась не из могил, которые здесь оказываются не содержащими никаких предметов, а из развалин, выгребных ям, отхожих мест, заваленных колодцев, обжигательных печей. Если судить по Афрасиабу, в старое время, как это делается и теперь туземцами, обломки битой посуды вместе с мусором со дворов сметались в отхожие места. От долгого лежания в таких и иных местах многими сотнями лет поливные черепки несколько не испортились и добываются в хорошем состоянии.

35. Глин. сосуд с ручкой $1\frac{1}{2}$ н. в. В отношении различных местностей Средней Азии следует сказать, что поливной посуды пока добыто мало, по незначительности произведенных раскопок, и только Самарканд дал ее в большом количестве,

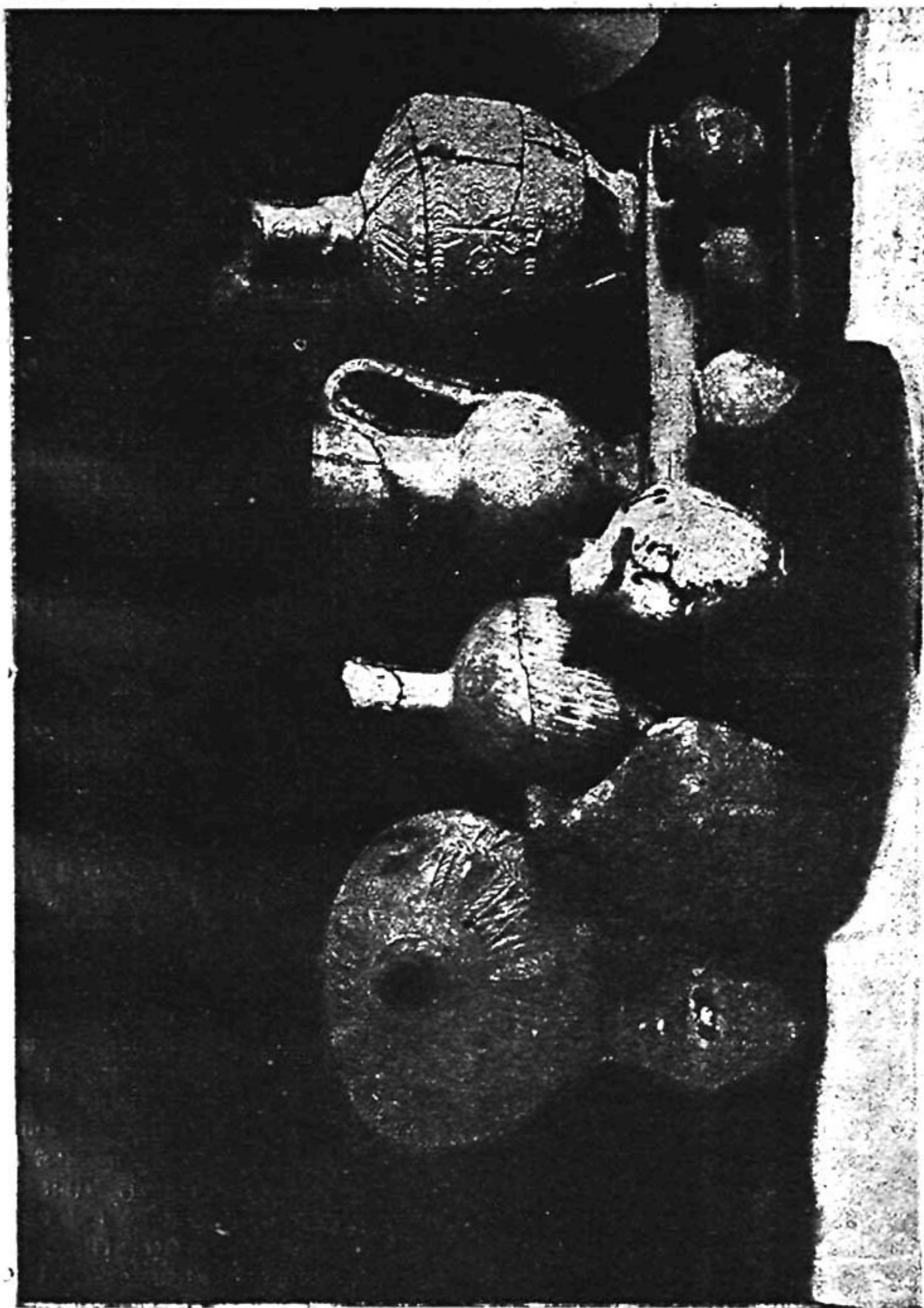

Таблица I.

почему здесь и явилась возможность изучить ее наиболее полно. Кроме того, здесь и самые раскопки производились более систематично. К сожалению, предметы из Самаркандских раскопок относятся почти исключительно к мусульманскому периоду, мало захватывая предыдущий, и роспись на посуде почти не содержит изображений людей и животных и не дает нам материала судить о жизни и быте населения подобно, например, живописи на греческих вазах. Тем не менее, памятники художественной индустрии в виде предметов гончарного производства в особенности с полихромной росписью, дают нам представление о достиг-

нутой народом степени культуры и вводят нас в область его художественных вкусов и бытовых потребностей. С этой точки зрения и следует рассматривать, главным образом, средне-азиатскую посуду.

Глиняная посуда обыкновенно приготавливалась из лессового теста и в редких случаях из пепельного цвета глины, известной ныне под названием пенджекентской и особо приготовленной белой или светло-серой массы. Лессовое тесто чаще употреблялось без посторонней примеси и только при изготовлении высокосортной посуды к лессу добавлялась особая сланцевая зеленоватого цвета глина (гиль-мая), куски которой часто попадаются у старых обжигательных печей, употребляемая в гончарном деле и ныне. Для изготовления более тонкой посуды лесс, не везде в Самарканде одинаковый по своему составу, отмучивался. В других же случаях к нему добавлялся песок. Посуда, требовавшая огнеупорности, приготавливалась с добавлением большого количества гиль-май и кварцевого песка. Особенно большие предметы, как, например, корчаги, делались с примесью шерсти, чтобы они не трескались при высыхании и не изменяли формы. Вообще же местная мягкая, эластичная глина (лесс) дает возможность просто рукой придавать всевозможные формы изделиям. Неполированные глиняные сосуды еще в сыром виде подвергались по наружной стороне обмазке, как бы штукатурке, очень тонким, в яичную скорлупу, слоем той же самой глины и после того приобретали гладкую, полированную, блестящую поверхность. Слой этот после обжига редко отставал.

Обжиг глиняной посуды производился в особых печах, которых на Афрасиабе открыто пока свыше дюжины. Печи эти сложены из сырцового кирпича, в плане имеют круг или квадрат со стороною в 2—3 аршина и высотой до $3\frac{1}{2}$ аршин, перекрыты низким сводом с отверстиями, из которых одно большое. Некоторые печи имеют пол, выложенный из сырцового кирпича в сквозную клетку, который отделяет топку с большим отверстием, выходящим наружу. Часть печей не имеет пола и топка соединена с камерой. Через большое отверстие в своде в печь спускался человек, или наклонялся в нее, чтобы расставить приготовленную для обжига посуду на треугольных подставочках или колышках из глины же в том и другом случае. Помощью подставочек и колышков посуда расставлялась рядами в вертикальном направлении с таким расчетом, чтобы каждый предмет был открыт доступу огня со всех сторон; колышки же, длиною в 5—6 вершков, вставлялись рядами в отверстия стенок камеры и на них раскладывались сосуды для обжига. При установке мелких предметов, чтобы они не проваливались, колышки перекрывались палочками из глины же. Печи внутри штукатурились глиной. В качестве топлива употреблялась верблюжья колючка, уголь от которой находится в топках и около печей. Для обжига глазурованной посуды служили, повидимому, одинаково как квадратные, так и круглые печи. Обжиг производился обратным огнем, для чего в стенках камеры от самого низа ее выводились дымоходы. Печи ставились в комнатах, занимая чаще один угол.

На Афрасиабе гончарные печи находятся не повсеместно, а в двух районах—это, вероятно, были кварталы гончаров. Первый из них был расположен в самом центре города, а второй, более молодой, близ юго-западного угла. В гончарных печах на Афрасиабе производился обжиг и других, кроме посуды, изделий из глины—бомб, «очажков», оссуариев, статуэток, детских игрушек, копилки, грузил для веретен, птичьих клеток. Для каждого производства, повидимому, специальных печей не строилось. Печей для обжига кирпича здесь нет—они были за городом.

Посуда афрасиабовского периода и последующего времени в Самарканде, как сказано уже, не имела характера художественных произведений, употреблявшихся в других странах в качестве украшений (напр., вазы), а носила исключительно утилитарный характер. Вот потому-то, что посуда не являлась предметом художественным, а носила обиходный характер, практический, ей придавались не столько изящные формы, сколько целесообразные, удобные для употребления. В выработке форм посуды в афрасиабовский период было достигнуто большое разнообразие. Однако, большая часть этих форм возникла в более ранний период. Возможно, что в афрасиабовский период такой простой и грубый материал, как лессовая глина, облагородился более совершенной техникой, но для сравнения и выводов пока у нас нет материала. Вообще же следует отметить, что в последующий, после афрасиабовский, период большинство посудных форм было заменено другими, более грубыми, а некоторые утратились.

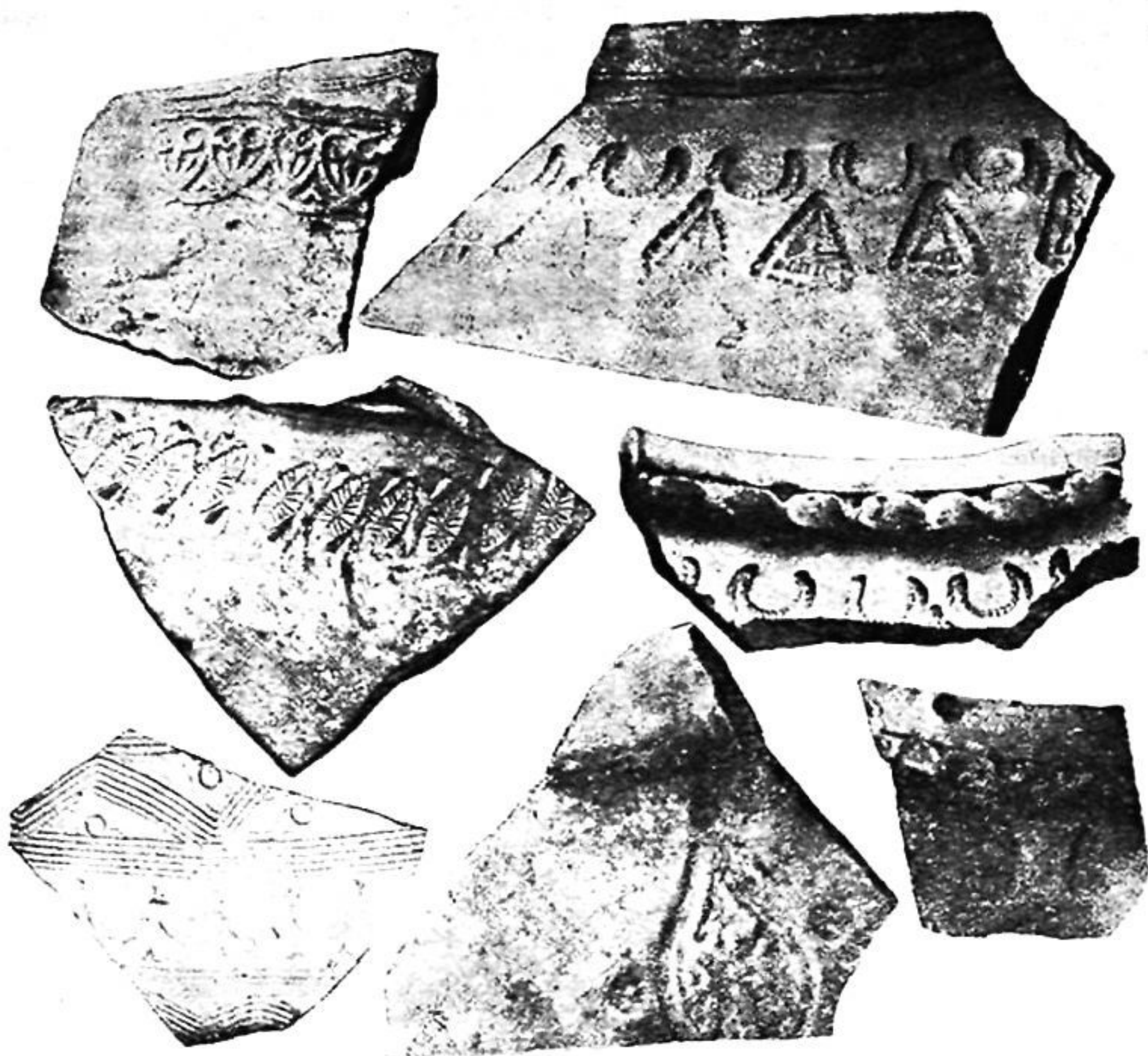
Из неполивной посуды самой крупной являлись большие корчаги (хум), достигавшие почти роста человека, употреблявшиеся для воды и хранения зерна, с широким, до 40 см., низким горлышком, края которого загнуты наружу, образуя ободок в виде жгута или обруча (табл. II и III). Чаше эти корчаги не имеют никаких украшений, иногда же по плечикам украшены были непрерывной волной тонких углубленных линий, рядами образующих углы линий, заключенных между двумя горизонталь-

Таблица II.

Фрагменты корчаг.

Таблица II.

Фрагменты корчаг.

ными поясками, или имели налесты из звездочек. иногда круглые штампы, расположенные по окружности, со львами в них, стоящими на задних ногах, готовыми вступить в драку и т. п. Корчаги закрывались круглыми крышками с шишечкой по середине, украшенными разным—то довольно тонким, то грубоватым орнаментом. Чаще крышки украшались обильнее и заботливее, чем самые хумы. Орнамент на крышках весьма разнообразный, начиная от расположенных беспорядочно или правильными рядами выдавленных пальцами руки ямок и кончая поясками с красивыми завитушками в них, медальонами со всевозможными изображениями и даже с изображением излюбленных животных—птиц и львов. Корчаги находят с шелухой от ячменя, виноградными косточками.

Особенно ходкой посудой являлись неполивные кувшины разнообразных форм и размеров, начиная с детских, игрушечных и кончая вмещающими более ведра жидкости. Из малого размера кувшинов встречаются удивительно стройные и благородные по формам, приближающиеся к классическим. Наряду с ними встречаются кувшинчики кругловатые и приплюснутые сверху, с высоким горлышком и длинной изогнутой ручкой, напоминающие наши графины. Из среднего размера кувшинов изящны высокие, с крутыми или покатыми плечиками, быстро суживающиеся книзу и оканчивающиеся маленьким донышком. Кувшины среднего и малого размера иногда встречаются из особой, так называемой

36, 37. Кувшины

листья на стебельках, цветочки и т. п. (табл.). Головки людей, головы животных встречаются редко, как и оттиснутые звери—львы, пантеры.

пенджекентской, глины темно-пепельного цвета, тонко-стенные, легкие, с отшлифованной поверхностью; они производят впечатление металлических. Впечатление это увеличивается, когда кувшин имеет резной орнамент в виде зарубок или срезов на плечиках. Вообще в кувшинах меньшего размера орнамент штампованный, наклепанный от руки, или резанный—не редкость. Штамп, приготовленный из глины (лесса) и хорошо обожженный, накладывался в нужных местах готовой верхней части сырого еще кувшина и вдавливался пальцем с внутренней стороны его. То же делалось, если было нужно, и с нижней частью кувшина. Затем обе половинки кувшина, сточенные по краям шва, соединялись и кувшин высушивался. На кувшинах имеются орнаменты от простых до самых сложных—линейные, переплетающиеся тесемки, ряды звездочек,

38—40. Типы кувшинов.

В качестве крышечки, закрывающей отверстие горлышка кувшина, служила кругленькая пластинка из глины же с отверстием в одной стороне, в которое свободно вдеа ручка кувшина, оканчивающаяся у самого жерла горлышка. Кружек-крышечка обжигалась вместе с кувшином, свободно вися у него на ручке. Эти кружки очень часто находимые отдельно от кувшинов, орнаментировались с особой заботливостью, независимо от того, покрыт или нет орнаментом самый кувшинчик, для которого предназначался кружок. В этих крышечках для кувшинов—то плоских, то в виде колпачка выпуклых, наружная сторона, за редким исключением, имеет рельефный штампованный орнамент, чрезвычайно разнообразный. Надо поражаться терпению и широте фантазии, проявленных при орнаментации этих крышечек. Начиная от узора, нацарапанного палочкой, и кончая изящной виньеткой, тонко и художественно выполненной даже в деталях, то с едва заметным, то с глубоким рельефом, крышечки эти бесконечно варьируют известные по другим раскопанным предметам элементы тогдашнего рисунка. Из животных изображались геральдического вида львы в кружках и птички. Даже на таких несущественных частях посуды, как крышечка от кувшинов, мастера не любили повторяться.

Особой группой стоят кувшины с носочками. У крупных кувшинов их не бывает. К обыкновенному кувшину, обычно малого размера, приделывается носок прямой, круто поставленный, и такой длины, чтобы жидкость выливалась только при наклоне его. Особенно ходкими были кувшины с носочками и ручками, употребляемые при омовении, в грубой форме дошедшие до нашего времени. По носку, ручке и оплечьям кувшинов недорогих сортов орнамент ограничивался неглубокими полосами волнообразных линий или арочек, на более дорогих встречаются фигурные налесты, бородавки в виде звездочек и розеток. Штампованный и резной рисунок бывает иногда очень сложным, но всегда заключает повторяющийся рисунок, при чем площадь, подлежащая орнаментировке, разбивается обычно на симметричные части. В этом отношении выделяются изяществом граненые кувшинчики. Если животная орнаментика

41, 42. Горлышко и носок кувшина.

на посуде весьма бедна, то на кувшинах она встречается чаще, чем на других предметах: горлышкам, концам ручек и носкам иногда придается форма головы животного, на оплечьях помещаются петушки или львы в геральдических позах. Вообще же еще раз нужно сказать, что по орнаментировке, пропорциям, манере соединения частей — горлышка, носка, ручек — более древние кувшины разных типов являются и наиболее гармоничными и красивыми.

Больших размеров, до $\frac{1}{2}$ метра, достигают вазы как с одной или двумя ручками, так и без ручек, и с горлышками разной высоты и разного диаметра. На них имеется тот же орнамент, что и на кувшинах. В вазах хранили масла, мед и т. п. Иногда в стенке сосуда близ дна делалась дырочка, через которую и выпускали содержимое его. Несколько меньшего роста, но с широким жерлом были сосуды, напоминающие наши цветочные горшки. С пологими боками очень большие чашки, диаметр которых доходил до 80 см., заменяли наши корыта для стирки белья. Орнамент на них ограничивался волнообразными линиями, арочками и ломанными прямыми по наружной стороне.

43. Чашечка.

Обращают внимание тонким исполнением небольшие чашечки с ручкой, иногда с носочком, вероятно, заменявшие наши ковши. В них внимание мастера обращалось не на орнаментировку, которой на них почти не бывает, а на изящество выполнения и форму. По форме оригинален сосуд, употреблявшийся в Средней Азии до последнего времени — это мустахара. Она имеет вид круглой фляги, одна сторона которой плоская, а остальная поверхность выпуклая. Она напоминает половину арбуза, у которого на выпуклой части близ пересечения ее с плоской стороной приделано низенькое горлышко, а иногда по сторонам его две маленьких ручки в виде дужек. Плоская сторона всегда грубо обработана и никогда не орнаментирована. Это — сторона не показная. Выпуклая же часть сплошь и рядом покрыта отличным, часто детальным, резным или неглубоким рельефным рисунком, как и на кувшинах. Такая фляга с жидкостью приторачивалась к вьючному животному. В течение всего периода существования города на Афрасиабе широким распространением пользовались котлы и котелки из огнеупорной глины, фрагменты которых здесь находятся во всех слоях и изредка попадаются цельные, покрытые слоем сажи, разной величины и самые котлы. Они имеют

44. Глиняный котел.

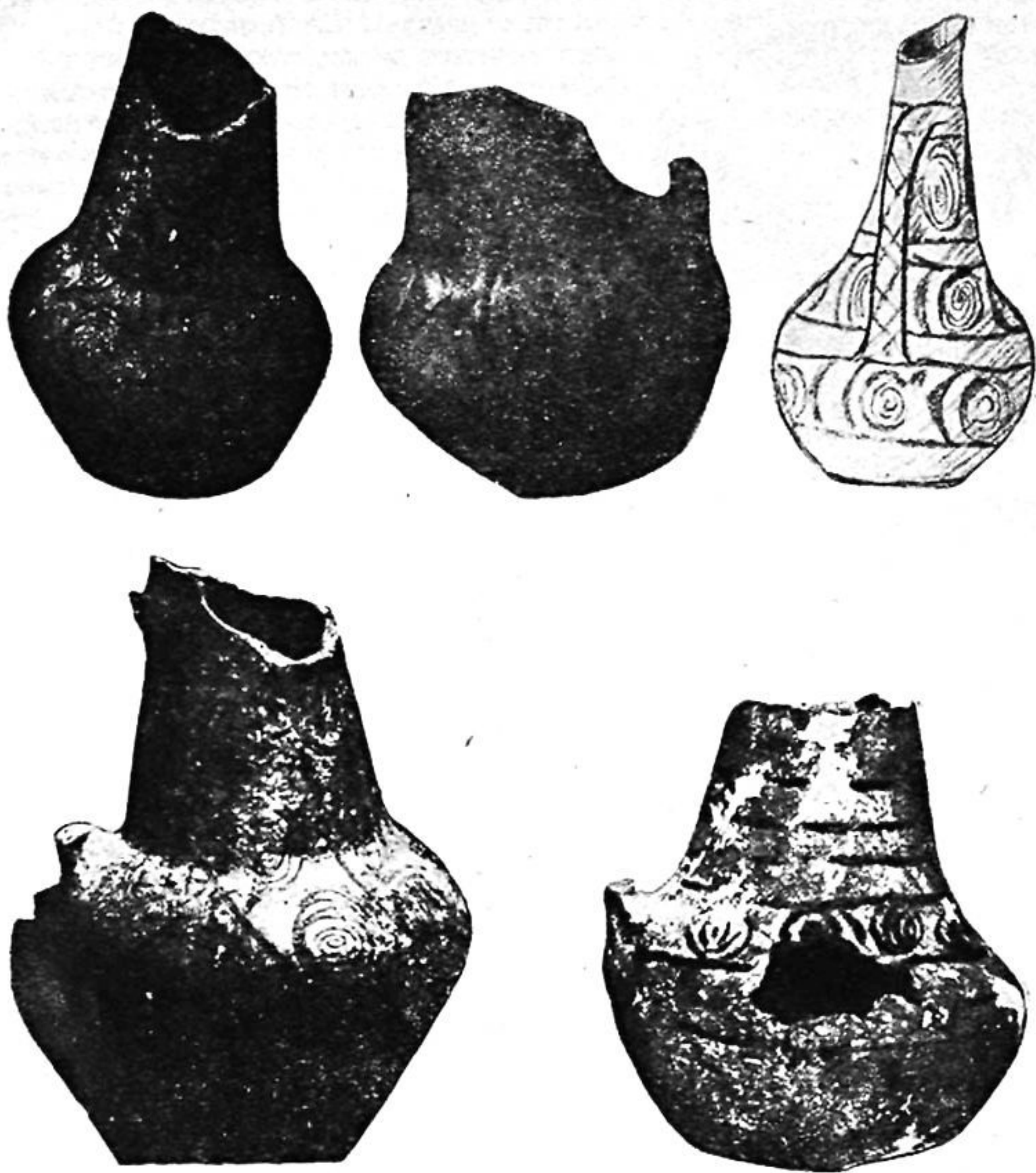
довольно закругленное плоское дно, несколько выпученные бока, немножко суживающиеся к жерлу с загнутыми наружу краями в виде ободка, с расположенными по ним тремя-четырьмя ушками, иногда с двумя ручками. Орнамент очень несложный в виде точек и черточек и елочек расположен бывает только по ободку, плечикам и ушкам. Такой котелок мог навешиваться на треногу и мог устанавливаться в гнездо выкопанной в земле печки. В изломе черепок котелка имеет темно-пепельный цвет и содержит крупный кварцевый песок.

Таблица IV.

Сосуды типа трипольской культуры.

Таблица V.

Сосуды типа трипольской культуры.

В последнее время огромный интерес возбужден находками сосудов типа трипольской культуры в Китае. Раньше ближе к нам они найдены были при раскопках в Аннау (около Ашхабада). Таким образом, устанавливается общность культуры на огромном пространстве—из Европы, где предметы этой культуры впервые найдены были в Киевской губернии, через всю Азию за два-три тысячелетия до нашей эры. Поэтому весьма важным являются находки этих предметов, относящихся к этой культуре, в промежуточных местностях. В Самарканде при наших раскопках фрагменты и сосуды типа трипольской культуры найдены были уже давно. Имелись они и у местных коллекционеров. Но пока о Самаркандских сосудах этого типа ничего не было опубликовано, как и вообще ничего о посуде из раскопок на Афрасиабе не напечатано еще. Черепки сосудов типа трипольской культуры встречаются и в окрестностях Самарканда, но они вообще редко попадают в коллекции, потому что без поливы, не блестящи и не красочны, как согдийские, и собиратели туземцы не при-

дают им значения. Однако, нет сомнения, что если заинтересовать собирателей, то этого материала будет добыто немало и вообще возможно разведками установить места, более обильные черепками этой культуры.

Повидимому, на Афрасиабе и в его окрестностях сосуды типа трипольской культуры наиболее архаичны. По своей технике, раскраске и орнаменту они стоят особняком среди многочисленной глиняной посуды последующего времени. Сосуды эти приготовлены большею частью без гончарного станка, отличаются часто недстаточно выравненной поверхностью. Материалом служила лессовая масса, неотмученная, грубоватая, с примесью песка и, кажется, красноватой глины. Даже при хорошем обжиге сосуды эти тяжеловаты и по сравнению с последующими грубоваты. Поверхность их бывает отполирована путем смазки мокрой ладонью руки или тряпкой по сырому черепку. Иногда отполирована бывает и внутренняя поверхность. Кувшины этого типа посуды толстостенны, имеют весьма широкие, утончающиеся кверху, высокие горлышки, длинные ручки, широкие днища и редко носочки. Дно во всех сосудах плоское, без подставочки или колечка. Форма кувшина вместе с горлышком часто грушевидная. Горлышко и кузовок кувшина готовились не независимо одно от другого и потом в сыром виде соединялись, причем оставался шов в месте соединения, как это делалось обычно, а в один прием. С внутренней стороны в широких горлышках и в кузове кувшинов иногда видны углубления от пальцев руки. Сосуды делались на песочке, который приставал ко дну. Высота кувшинов различная—от 15 до 50 см.

Сосуды типа трипольской культуры бедны формами в Самарканде и его окрестностях: кроме кувшинов, пока найдены только вазообразные сосуды без ручек и с двумя маленькими ручками. Орнамент нанесен без исключения на всех сосудах описываемого типа. Так как орнамент наносился коричневой глиной почти исключительно кызыл—кеском—красной краской разной густоты, по красноватому черепку разных колеров, то орнамент этот не всегда получался одинаковой степени резкости: будучи очень резким на светлом фоне, он мало заметен на более красном. Реже рисунок наносился темной краской. Расписывали сосуды кисточкой, которая давала различной толщины линии. Орнамент этих сосудов состоит из завитков или спиралей, расположенных рядами между круговыми поясками, нанесенными горизонтально, вертикально или наискось на верхней половине кузова и на горлышке. Иногда спирали соединены между собой. Нередко завитки ответвляются от прямой линии, опоясывающей сосуд. Кроме спиралей, орнамент состоит из прямых линий, треугольников, точек, кружков и т. п. Треугольники иногда заполнены коричневой краской, углы их стянуты, переходя в последовательно утончающиеся линии. Иногда треугольники принимают слегка свальные очертания. По горлышку иногда наносился орнамент в виде ряда вертикальных палочек, поставленных между двумя круговыми линиями. На ручках обычно прямые линии поставлены наискось и перекрещены. В большинстве случаев линии нанесены наскоро, без надлежащей тщательности, не ровно, в спиральх с разной ширины промежутками и с затеками краски. Краска орнамента, вообще говоря, хорошо сохранилась в разных условиях нахождения черепка в почве—в старых отхожих местах, в золе, мусоре и пр. Раскрашивались сосуды до обжига.

Черепки, характерные для триполья, на Афрасиабе находятся в разных слоях почвы и даже в отхожих местах первых веков ислама. Пока трудно сказать, принесены ли на Афрасиаб в позднейшее время эти сосуды типа трипольской культуры, где-нибудь найденные в обилии

и в пригодном для употребления состоянии или они в виде фрагментов и цельных предметов остались на Афрасиабе от современных им обитателей. Это могут выяснить последующие раскопки.

Наши сведения о долине Зарафшана, основанные на письменных данных, не восходят ко времени более раннему, чем походы Александра Македонского в Среднюю Азию (IV в. до Р. Х.) и эпоха Ахеменидов (V в. до Р. Х.). Ныне находками сосудов типа трипольской культуры в окрестностях Самарканда устанавливается, что в долине Зарафшана существовала уже зрелая культура за три—четыре тысячелетия до нашего времени. Наличие довольно высокой техники в гончарном деле и навыков в разнообразной росписи на сосудах дает основание предполагать, что уже тогда население здесь было оседлое и занималось земледелием, так как условия кочевой жизни не располагают к гончарному производству.

45, 46. Архаичные кувшины.

Архаичными по виду и близкими по технике к сосудам типа трипольской культуры являются изредка попадающиеся в глубоких слоях на Афрасиабе кувшины, иногда гладкие и без орнамента из валиков и приплюснутых шариков. Чаще они бывают с прямым, толстым носочком, реже с витой ручкой. Эти кувшины делались иногда без станка, цвет их землистый, они не достаточно прочны, очень тяжелы и никогда не раскрашивались.

Повидимому, довольно архаичны также плоские чаши тонкого черепка с боками в четырех или шести местах загнутыми внутрь по волнистой линии, при чем на сгибах образуются складки, выравнивающиеся последовательно ко дну. Никакого орнамента кроме прямых линий, по ободку края на них нет. Похоже на то, что эти чаши сделаны в подражание металлическим. Близки к ним по материалу и технике изготовления чашки поменьше, с круглой ручкой и часто со срезанными плечиками, боками и ободками вокруг отверстия. Эти чашки своею гладкою полированной поверхностью и срезам производят также впечатление сделанных из металла. Орнамента на них не бывает.

Вот основные формы глиняной неполивной посуды, находимой на Афрасиабе.

К предметам домашнего обихода, выделанным из глины, относятся светильники в виде плоской чашечки с вытянутым в виде носка краем и копилки. Последние имеют вид приплюснутого кувшинчика без горлышка, с узкой щелкой наверху, поставленного на донышко. В копилках после Саманидов, когда появилась больших размеров монета, щелки стали делать длиннее—по диаметру монеты.

Из находок на Афрасиабе, относящихся к глиняной неполивной посуде, производят впечатление диссонанса очень плотные, изящные, красные сосуды, сделанные из тонкой лессовой глины, они покрывались красной глиной, которая притиралась помощью лощилки. Посуда эта гладкая, чаще никаких орнаментов и украшений не

47. Бокал крас. лаку 1/2 н. в.

имеет, разнообразна по формам и размерам. Наиболее любопытны из красных сосудов конусовидные высокие бокалы на маленьких, неустойчивых подставочках и широкие чаши тоже на ножках. Посуда эта производит впечатление довольно архаичной и встречается не часто.

Детские игрушки с Афрасиаба из обожженной глины неполивные весьма грубы—это петушки и уточки, свистульки, лошадки и козлы, погремушки с камешком в пустом шарике, глиняные куклы с неподвижными членами. В этих игрушках нет даже попыток придать скольконибудь близкое сходство с представляемым ими животным.

ПОЛИВНАЯ ПОСУДА.

Находки в Самарканде и его окрестностях глиняной глазурованной посуды, добытой в большом количестве на протяжении двух-трех десятков лет перед революцией, дают нам довольно полный материал для суждений и выводов по техническим и орнаментальным признакам и особенностям о времени производства разных типов глазурованных изделий из глины. Все эти изделия по технике, формам и орнаменту в отношении времени их бытования легко отнести к трем историческим эпохам. Эти три основные типа изделий достаточно резко отличаются между собою. Последний из них можно проследить до наших дней, а начало его относится к Тимуру и Тимуридам (XIV—XV в.). На Афрасиабе этот тип совершенно не встречается. Второй тип посуды относится к предыдущему времени, начиная с занятия страны монголами (XIII в.), а, может быть, и несколько ранее, и самый ранний—к домонгольскому периоду. В свое время посуду домонгольского времени я называл саманидской и под этим названием она известна местным работникам. Как известно, в период правления этой династии (IX—X в.) в Маураннахре был высокий культурный подъем. Можно было предположить, что художественная гончарная промышленность развивалась именно в этот период, наравне с ткацким производством, достигшим высокого совершенства тогда же. Это не противоречило и монетным данным раскопок. Поэтому естественно напрашивалось предположение, что гончарное производство, насколько можно было судить по находкам из других мест Туркестана черепков посуды, подобной афрасиабовской, широко распространено было здесь и развивалось в Средней Азии самостоятельно, что оно, следовательно, национально и соответствовало вкусу и духу народному. Поэтому гончарные изделия этого типа, как появившиеся в результате культурного подъема эпохи Саманидов, и были названы саманидскими.

Однако, дальнейшие раскопки на Афрасиабе убедили в том, что древнейшая глиняная поливная посуда здесь появилась не в период высокого развития и расцвета техники и искусства при Саманидах, а раньше, и подготовительный период в производстве этих изделий протекал где-то в другом месте. По Афрасиабу мы знаем эту посуду по многочисленным объектам, но все это изделия высокого достоинства, законченного цикла. Мастера Афрасиаба уже обладали глубокой традицией, за ними уже была старая, может быть, многовековая школа. Очевидно, проследить развитие гончарного дела и, в частности, технику глазурованной посуды, удастся лишь путем раскопок в более древних, чем Самарканд с его Афрасиабом, местах. А так как культура того времени—и эпохи Саманидов и более ранней—принадлежала согдийцам, то по отношению к изделиям этой эпохи следует принять термин „согдийский“ в отличие от изделий других периодов.

Древнее гончарное мастерство, в частности производство глазурованной посуды, на Афрасиабе оборвалось сразу, а не ухудшалось и не умирало последовательно. Для этого нужен был катаклизм, перевернувший жизнь, нужно было потерять мастеров, утратить способы изготовления высокосортной посуды и манеру росписи ее. На протяжении жизни Афрасиаба после Саманидов было два таких исторических момента — занятие Самарканда Кара-ханидами, момент, недостаточно освещенный, и Чингиз-ханом, подробно описанный в исторической литературе. Так как погром монголами Чингиз-хана Маураннагра являл собою катастрофу, и новый тип посуды находится только в южной части Афрасиаба, где в первые годы владычества монгол еще ютилось население, то надо полагать, что виновниками утраты способов выделки древней черепковой посуды здесь были монголы.

В древний период глазурованию подвергалась всевозможная посуда, но самой ходкой и самой интересной по своей декоративной росписи является посуда с открытой плоскостью, доступной осмотру сразу, как-то: чашки, блюда и тарелки. Форма чашек сводится к двум типам — высоким с пологими прямыми боками и низким с слегка выпученными наружу сторонами. Особенностью чашек первого типа является способ соединения боковин со дном. Линия боковины с наружной стороны от дна идет почти горизонтально, слегка лишь повышаясь, потом делает тупой угол и продолжается до конца. От угла до соединения боковины со дном черепок очень тонкий и таковым он не мог быть сделан в сыром виде, ибо под тяжестью верхней части боковины он сел бы, и чашка изменила бы данную ей форму. Надо полагать, что на станке (круге) чашка в этом месте делалась нужной толщины, а после просушки обтачивалась для облегчения. Следы обточки и видны на боковинах с наружной стороны. Вообще нередки чашки, толщина стенок которых постепенно к бортам увеличивается. Блюда, достигающие до 45 см. в диаметре, также имеют две основных формы: одни от широкой донной плоскости, слегка прогнутой, внутрь переходят помощью почти вертикально поставленного низкого загиба в очень широкие, слегка повышающиеся борта; другие имеют большую, к середине слегка вдавленную, плоскость, по кругу ограниченную невысокими, до 4—5 см., с маленьким уклоном наружу поставленными бортиками. Этих же двух типов делались и тарелки.

Издавна в гончарном деле при глазуровании в Самарканде практиковалась ангоба. Для ангобирования употреблялась белая и красная глина. Красная глина, добываемая близ Самарканда и других местах Туркестана, с давних времен, вероятно, задолго еще до саманидов, употреблялась для росписи стен в домах, а позже также для рельефного орнамента (кундаль) внутри частных и общественных помещений. Лучшая красная и белая глина и по ныне добывается около Карнаба, близ Кермине. Красная глина, нанесенная на несбоженный черепок из лессовой массы, дает ярко-красный, мягкий, приятный тон, а белая — разных оттенков белый, до белоснежного включительно тон. Для ангобы глины эти приводились в порошок путем отмучивания (вероятно, через холст). Предназначенная для ангобирования посуда погружалась в жидкий раствор красной или белой глины, причем погружавший держал ее за колечко доньшка, которое оказывалось или непокрытым ангобой или покрытым неровно. Доньшко иногда дополнительно обмазывалось ангобой с помощью кисточки.

Красная и белая ангоба одинаково прочно соединяется как с сырым, просушенным на солнце, так и с полубоженным черепком. Так как обжиг черепка требовал высокой сравнительно температуры, неже-

ли глазурь, то посуда подвергалась двойному огню. Красноватый фон и красный орнамент на посуде типа трипольской культуры, добытой в Самарканде, о которой сказано выше, несомненно получен в результате окраски и росписи красной глиной по сырому черепку. Точно также и несколькими тысячелетиями позже неполивную посуду здесь, в особенности хумы, окрашивали до обжига красной глиной, по преимуществу по плечам, с которых она скатывалась потеками. Однако, еще раз повторяю, что находки около обжигательных печей убедительно свидетельствуют о том, что предназначенная для глазури терракота подвергалась предварительному обжигу, неполному, после чего ангобировалась, расписывалась и покрывалась флюссом. Внешняя сторона чашек, тарелок и блюд покрывалась флюсом или поливой менее тщательно, чем внутренняя, почему на ней ангоба, красная и белая, оказывалась недопокрытой. Полива ложилась тонким, ровным слоем.

Кроме указанного качества белой и красной местных глин, весьма прочно соединяться с черепком из лессовой массы, они обладают и другим ценным в гончарном деле качеством отлично соединяться также между собой: по белой ангобе красная глина и по красной белая ложатся одинаково прочно. Поэтому часто можно наблюдать роспись на посуде по белой ангобе красной глиной и наоборот. Кроме того, ни та, ни другая глина не дают расплывчатости и орнамент получается с резкими контурами. Так как при обжигательных печах попадаются изредка, наравне с кусками белой и красной глины, куски и порошок олова, то не исключается здесь и пользование оловянной поливой.

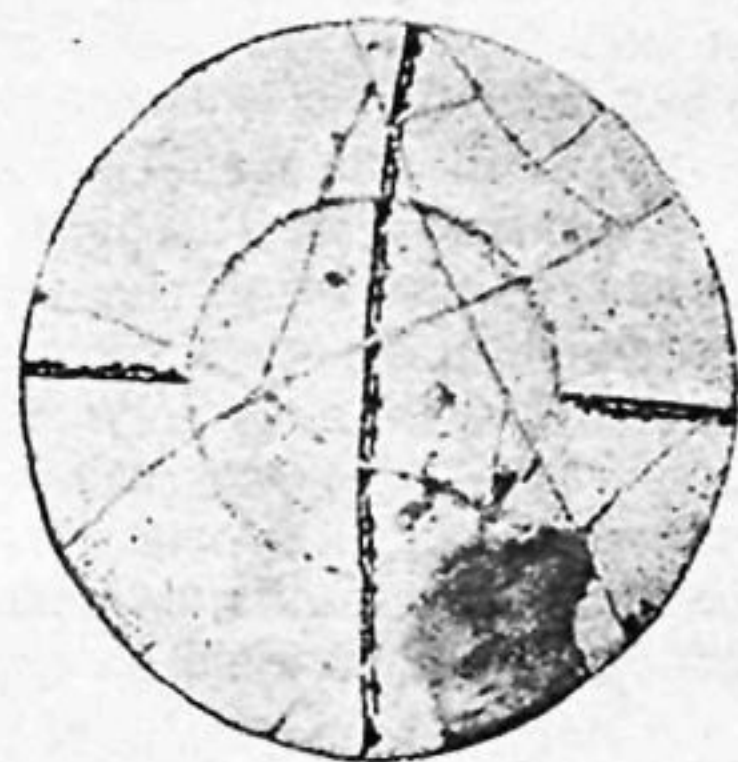
Зеленоватая, жирная, на ощуп мыльная глина (гиль—мая), о которой упомянуто выше, чрезвычайно ценная в примеси к лесовой глине, в соединении с которой она давала массу высокого качества, в смысле большой прочности и устранения пористости, для ангобы вовсе не употреблялась. Точно также и темная, так называемая пенджекентская, глина, добываемая за Пенджекентом близ Кштута, мягкая и тонкая, допускающая выделку легкой и тонкой посуды, не только не шла на ангобу, но и вообще на выделку посуды с поливой.

Итак, как показали раскопки ряда печей для обжига посуды, таковая, до ангобы окраски и поливы подвергалась полуобжигу. Однако, краски иногда наносились и непосредственно на черное тело черепка, без ангобного грунта. Так как глазурь не отстает от черепка и от изменений температуры не трескается, то, ясно, что мастерами практическим, конечно, путем найден был одинаковый коэффициент расширяемости черепка и глазури, каковое обстоятельство в гончарном деле является наиболее важным. Вследствие этого, многие века не отразились на состоянии черепка из раскопок. Поливе или глазури подвергались обе стороны посуды, при чем с наружной стороны в редких случаях она, как сказано, не закрывала дна или неровно, подтеками ложилась близ доньшка, внутри же она всегда бывает положена ровным слоем, блестяща и однородна по окраске. Из прозрачных глазурей на посуде чаще встречается белого цвета. Она же является весьма благодарным фоном для цветного орнамента. Одноцветная посуда на Афрасиабе встречается редко. Лишь голубая посуда, как правило, одноцветна, изредка имея подглазурный орнамент, нанесенный тонкими черными линиями. До монгол здесь любили расписывать посуду пестро. Роспись на посуде, как сказано, обычно была подглазурная, иногда накладывавшаяся настолько толстым слоем, что он легко прощупывается под глазурью, а иногда повышение ее заметно даже на глаз. Надо полагать, сами гончары являлись и живописцами на посуде. Им нельзя отказать в широкой фантазии, изобретательности и находчивости. Однако, самые приемы и способы исполнения орнамента

48. Блюдо $\frac{1}{2}$ н. в.

в центре под прямым углом, две черные строки непрерывного письма из одного повторяющегося арабского слова: „اليمين“ — „альюмин“ — „будь благополучен“, при чем все буквы располагались на прямой черте, чем достигалось внешнее сходство с уйгурским письмом. Иногда начала и концы строк расширялись к краям, образуя цветочный и вообще фигурный орнамент. По краю между вертикальных строк письма, отступая от них, наносились черные полосы с рядом зубчиков внизу, похожие на гребень. Но чаще письмо, состоящее из крупных букв, наносилось бордюром ближе к краю чашки, блюда или тарелки, при чем высокие буквы и длинные вертикальные линии элементов букв вытягивались почти до дна и располагались по возможности симметрично. Реже надпись шла только по донышку. Обычно эти надписи состояли из слов «الرزوالبركة والفضل والاقبالإساجه» — „почтение, благословение, благородство, возвышение господину сего“. Часто пустые места между буквами заполнялись густо насыпанными точками, как

49. Блюдо $\frac{1}{2}$ н. в.

50. Блюдо с письмом.

бы рассыпанным просом, и обводились линиями, между которыми и буквами оставалась пустота, необходимая для рельефности письма. Обычно даже почти исключительно, по белому фону вырисовывалось письмо густо-черного цвета, что давало отчетливый рельеф. Письмо редко соединяли с каким-нибудь орнаментом — чаще всего оно одно украшало посуду. Только на дне обязательно делался черный же кружок, иногда в виде цветка. Характер письма на посуде нередко тот же, который имеется на монетах халифата первых веков и саманидских. Однако, несом-

ненно, что иногда письмо наносилось на посуду с образца мастером неграмотным, который пропускал буквы, двоил их, и буквам придавал несвойственную им форму. Только зная, что обычно писалось на посуде, можно прочесть такое письмо. Зато на парадных чашках и блюдах письмо выводилось изящными завитками, в виде веточек с распускающимися листовыми почками и проч. Посуды с не-арабским письмом пока на Афрасиабе найдено не было, если не считать означенного близкого к уйгурскому письма.

Как правило, прежде всего орнамент на посуде накладывался симметрично. Ассиметричность пугала мастеров и к ней прибегали в

51. До-мусульманская чашка.

редких случаях, например, когда исполняемый рисунок не оставлял места, чтобы его повторить. Для симметрии наносимого рисунка площадь чашки или блюда разбивалась на секторы—два, три, четыре и больше. Затем выбор красок в изображении предметов носит не отвечающий их естественному фону характер, а всегда случайный: так, листья изображаются черными, красными и проч. В каком порядке последовательности входили в употребление краски на посуде, сказать нельзя, так как Афрасиаб дает нам не только законченную фазу

развития орнамента, но и целую гамму красок: белую, черную, зеленую, желтую, красную, голубую и оттенки их. Золото совершенно отсутствует на поливной и глазурованной посуде. Роспись обычно делалась в несколько колеров. Черный цвет был самым ходким—он попадает то в виде бордюра, по ободку-краю, то ленточкой оторачивает доньшко, то оконтуривает рисунки, то линией разделяет смежные пояски, то употреблен для основного орнамента.

Наиболее часто встречающиеся элементы орнамента на более старой посуде с Афрасиаба—это линии точек, древесный сердцевидной формы лист с прожилками, трилистник и тесьма. Эти элементы орнамента разным образом варьируются, а чаще встречаются в соединении. Тесьма располагается на посуде симметрично, образуя кольца и вытянутые круги, переплетающиеся между собою. По временам тесьмы образуют сложный узор, захватывающий часть посуды, а иногда и всю. Дно внутри посуды дает удобное место для круга и потому обводится тесьмой, как и край посуды. Пространство между тесьмами и в кругах заполняется повторяющимся орнаментом, часто листовым. Тесьма иногда состоит из двух или трех разноцветных полосок и бы-

52. Чашка с листовым орнаментом.

вадет оконтурена одной или несколькими линиями. Тесьма часто образует рисунок в форме восьмерки или двух восьмерок, перекрещенных между собою, иногда образует целую плетенку. Встречаются две или

53, 54. Чашки, представленные плоскостно, с тесемочным орнаментом.

несколько тесемок разного цвета, искусно переплетенных между собою. Ширина тесемок допускалась самая различная. Наблюдалось, чтобы концы тесемок не оставались свободными, а сливались с другими. Свободные места в кольцах и других фигурах, образуемых тесьмой, заполнялись листьями или полулистьями, часто оконтуренными, однако, с таким расчетом, чтобы оставить полосы фона для более резкого рельефа рисунка, образованного тесьмой.

Точечный орнамент в виде шнура перлов постоянно встречается на старой посуде с Афрасиаба, иногда сам по себе, иногда в сочетании с другого рода орнаментом. Он на посуде образует как бы ожерелье, перевитое в разнообразные узоры. Размер точек, начинаясь величиною зерна проса, доходит до величины горошины. Чаше точечный орнамент бывает расположен в один, иногда в два, три ряда по длине тесьмы. Тут его обычное место. Важно, что излюбленный в старину орнамент этот встречается не только на посуде, но и на оссуариях, терракотовых украшениях зданий, в гипсовых панелях комнат, на «очажках», на гипсовых чернильницах, монетах и вообще имел широкое применение. На больших плоскостях он имеет вид сосочков и служит обрамлением для орнаментированных плоскостей, а также оконтуривает орнамент, сопровождая его обычно в ленте. Иногда в одном рисунке идут разного размера линии точек—одна с точками покрупнее, другая помельче. Пока при наших крайне недостаточных археологических раскопках делать

выводы о взаимоотношениях точечного орнамента, имеющегося на означенного рода предметах, преждевременно.

К наиболее старому орнаменту следует отнести чисто лиственный и лиственный в сочетании с другим. Листья сердцевидной формы располагаются в правильно разлинованных клеточках по всей площади посуды или в концентрических кругах. Листья располагаются поочередно в ту и другую сторону или идут в одном направлении. Свободные пустые места заполняются полулистьями, при чем последние часто другого цвета и нередко без контура по линии обреза листа не соеди-

55. Чашка, представленная плоскостно, с лиственным орнаментом.

няются, а делают завиток внутрь. Если контур листа делается иногда толстой резкой чертой, то жилки всегда наносятся тонко и легко. Внутренность листа редко окрашивается, а обычно остается того же цвета, как и фон. Если-же встречаются листья и полулистья, окрашенные в иной, чем фон, цвет, то тогда прожилки остаются того же цвета, как и фон.

Вообще глазурованная согдийская посуда (табл. VI), за исключением черепка из белой массы, по характеру поливы и орнаменту резко делится на три группы. Наиболее интересною по формам, разнообразию художественного орнамента и высокой технике является многокрасочная посуда с белым или цветным фоном, легкая по черепку. Вторую группу составляет посуда с зеленой медной глазурью внутри и снаружи, чаще только внутри на чаш-

56. Чашка зеленой поливы.

или зеленовато-голубой орнамент на них, начинаясь нежными, бледноватыми тонами, переходит нередко в сочные, густые тона с зеленоватым оттенком. Тонкие голубые линии на этой посуде отсутствуют, и орнамент на ней, довольно постоянный, наносился толстой кисточкой. Орнамент располагался симметрично в виде вертикально поставленных стилизованных веточек с широкими вырезными листьями, поочередно примыкающими к пруту ветки. В стиле веточек иногда нанесены ряды слова «Мухаммад». Черный цвет допускался для оконтуровки, а иногда и для самостоятельного орнамента. На чашке этого типа в моей коллекции нарисован конь с шеей и головой птицы, загнутыми над спиной назад, при чем птицей схвачен клювом завязанный узлом и поднятый конский хвост.

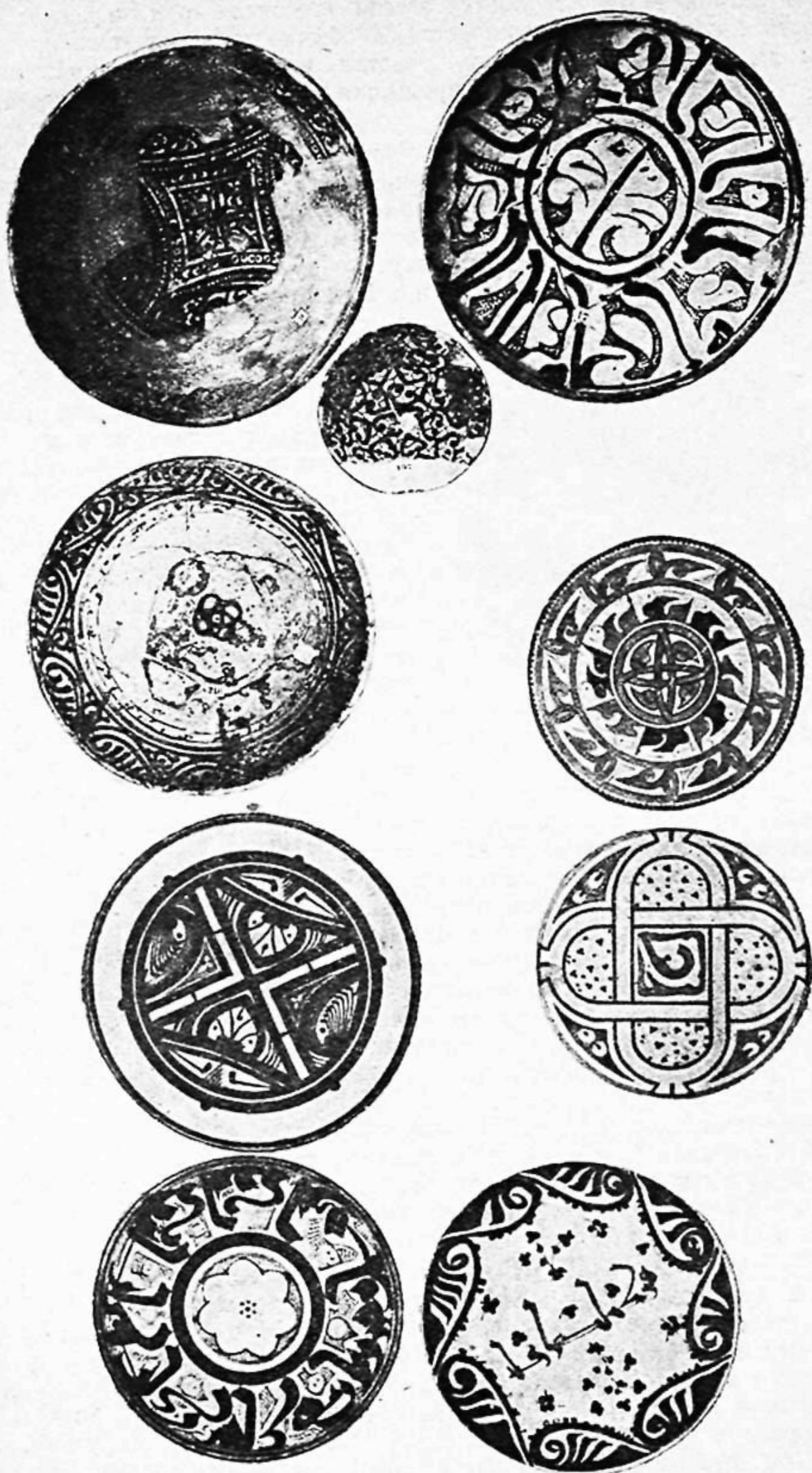
На посуде с зеленой поливой и линейным черным орнаментом, последний образуется обычно сеткою прямых пересекающихся под прямым или острым углом линий, или оконтурованная геометрическая фигура заполняется чешуйками. Иногда линейный орнамент состоит из завитков, широких с вырезными краями листьев и бутонов, реже птичек. У меня в коллекции на фрагменте блюда имеется человеческая фигура с крыльями. Часто эта посуда поливалась неровно с потеками по наружной стороне. Замечательно, что этот вид посуды, встречающейся наравне с самой древней, дошел почти до нашего времени, хотя и последова-

ках и тарелках и только снаружи на корчажках и мисках, часто желтыми, расплывчатыми пятнами, а чашки и тарелки с линейным черным орнаментом. В этой посуде иногда нельзя рассмотреть ангобы. Повидимому глазурь наносилась непосредственно на черепок. Третья группа представляется тяжеловесною, приготовленною из более грубой серой массы с значительной примесью песка посудой, с светло-серой, матовой поливой и всегда с голубым и зеленовато-голубым расплывчатым орнаментом, иногда с черными линиями контуров. Последняя группа бедна по формам—это лишь исключительно чашки и тарелки разной величины. Голубой

57. Чашка с голубой поливой 1/5 н. в.

Таблица VI.

58. Чашка с конем.

имеет лишь частичную и неаккуратную поливу, которой бывает покрыто сплошь лишь ближайшее к борту место, а низ покрыт участками или глубокими затеками. Если в согдийских поливных изделиях чистота и ясность фона усиливает отчетливость орнамента, часто сложного и пестрого, то на монгольских мутноватый фон сопровождается чаще простым грубоватым орнаментом, неровно положенным. Нередко орнамент ограничивается коротким обрывком каймы с прсстенским орнаментом на ней или же рядом завитков или полулисточков, иногда двумя-тремя такими обрывками, наконец, ими же, но поставленными вертикально от дна или пересекающимися на дне. В этих случаях в дело идут две краски—желтая разных оттенков и черная. Правда, рисунок бывает, но очень редко довольно сложный, однако, мотивов старых уже почти не встречается, добавляется красная краска, животные изображаются крайне грубо, письмо, кроме слова «альюмн», отсутствует, каллиграфического письма абсолютно уже нет.

Сравнительно редко попадает на Афрасиабе посуда белого черепка, при Тимуре и тимуридах получившая столь широкое распространение. Она не делалась больших размеров, так как белая черепковая масса значительно менее прочна, чем лессовая. Без поливы эта масса легко крошится и очень хрупка. Преимущество ее перед лессовой массой заключается, кроме легкости, в том, что глазурь по белому черепку получается более глубокой и более приятных нежных тонов. Чашки из белой массы делались для прочности всегда с крутыми, прямыми боками, а кувшинчики неширокие, но высокие. По белому черепку тогда употреблялась почти исключительно голубая, бирюзовая глазурь в виде отчетливой значительной толщины стеклянной массы глубокого тона.

тельно ухудшаясь во всех отношениях.

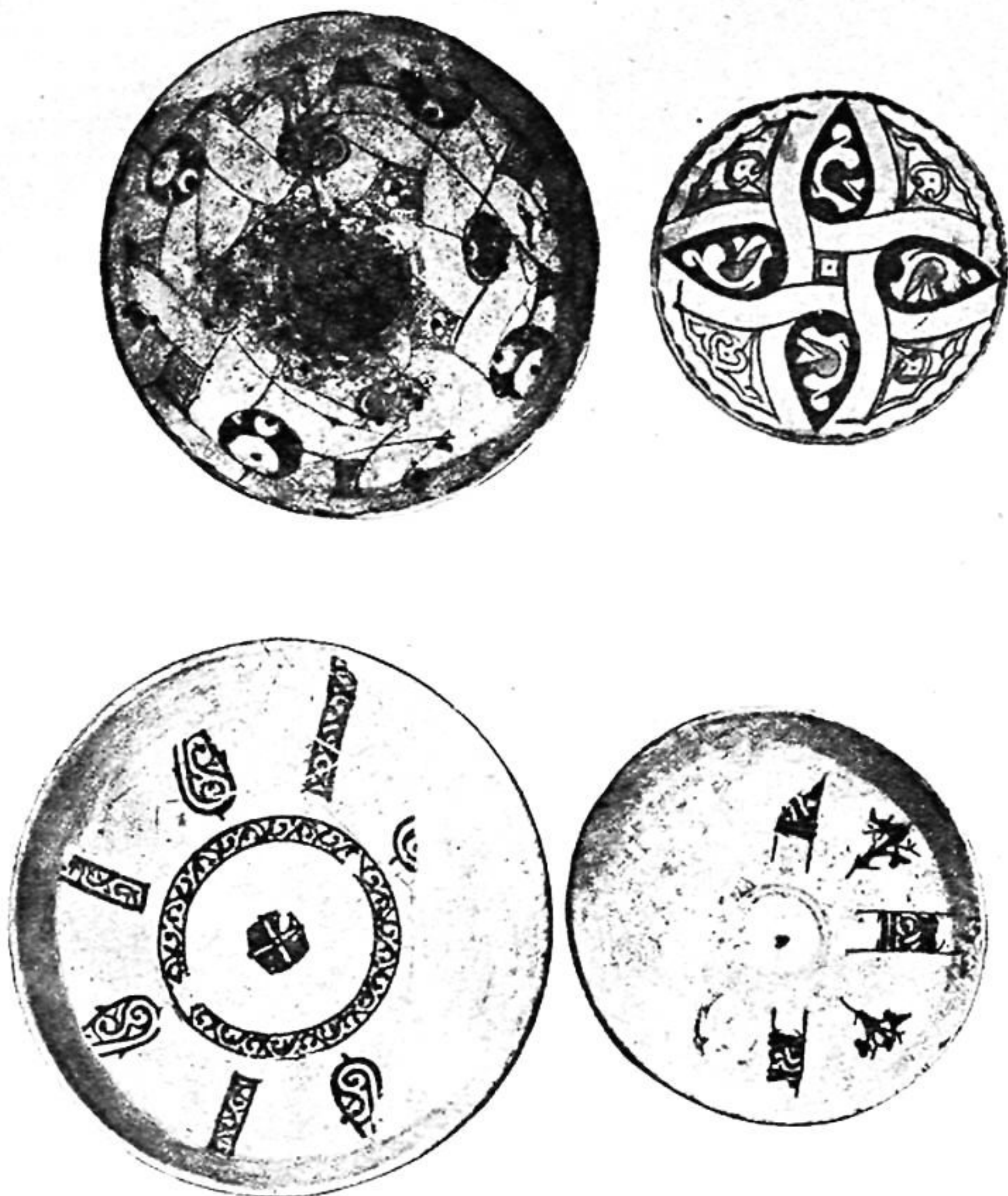
Все три группы согдийской поливной посуды имеют возраст старше поселения на Афрасиабе. Поэтому пока нет данных сказать, которая из них более ранняя. Но в сменивший согдийский период посуды, в так называемый средний или, как сказано выше, монгольский период, перешла и почти без изменения только посуда с медной глазурью второй группы.

Монгольская поливная посуда (табл. VII) более груба по технике, употреблявшемуся материалу, менее прочна, имеет грязновато-серый или желтоватый фон с неровностями. Вообще эта посуда не носит качеств мастерства и тщательной выработки. Наружная сторона в плоских вещах-тарелках и блюдах, а также в чашках—

59. Чашка монг. периода.

Таблица VII.

В соединении с голубой глазурью допускался для орнамента единственно черный цвет, как более отчетливо просвечивающий сквозь толщу глазури, при этом подглазурный орнамент допускался всегда лишь черный линейный и листовенный. Тонкие линии в нужных местах постепенно утолщались, переходили в завитки, длинные листья, бутоны и усики. По дну иногда располагались плетенки из тех же черных линий. В этом орнаменте нельзя не узнать многое, что потом попало в художественное украшение наших архитектурных памятников старины, мало того, и самую черепковую массу эту впоследствии применили для выделки образцов, употреблявшихся для мозаики, так как такой черепок с стекловидной массой на нем легко режется ножом.

Глазури еще в до-мусульманский период подвергалась всевозможная посуда, начиная с «детской» и кончая большими хумами. Как правило, посуда для воды—для ношения и хранения,—как и ныне не подвергалась поливе. В такой неполивной посуде вода, испаряясь через поры, остается холодной и свежей.

Но часть больших хумов, вероятно, для хранения масл и вина, глазурировалась и тщательно, чаще только внутри. Зато разнообразные кувшинчики и вообще «круглая» посуда с узким горлышком подвергалась поливе только снаружи. Широкопастная же посуда—крынки, миски, горшки—покрывались глазурью с внешней и внутренней стороны. Цвет

60 Кринка для молока 1,5 н. в.

внутренней глазури по преимуществу употреблялся белый, изредка зеленоватый или желтоватый. Для наружной стороны употребляли глазурь всевозможных цветов, но чаще белую, коричневую и зеленую.

В круглой посуде, в том числе и широкопастной, орнаментировалась только наружная сторона, при чем чаще не вся, а только верхняя часть, со включением плечиков. На «круглых» предметах орнамент менее интересен и богат, чем на плоских. Точно также он менее интересен, чем штампованный на тех же предметах. Хотя штампованный орнамент на кувшинчиках иногда покрывался глазурью, но это эффекта при одном сплошном цвете глазури не усиливало. Обычный орнамент на круглых предметах—разнообразно разработанный завиток, распространяющийся по окружности посуды между двумя поясками. По коричневой поливе наносился желтый орнамент, по белой—черный. Письмо иногда каллиграфическое, чаще не сплошное, переплеталось с другим орнаментом, или составляло единственное украшение предмета. Со стороны формы из поливной посуды интересны высокие вазы и кувшины с широким корпусом, очень широким расширяющимся кверху горлышком, с тремя ручками и прямым носком у шейки горлышка.

В обиходе населения находили широкое применение поливные светильники довольно разнообразных форм. Обычно это низенькая чашечка на плоском доньшке, у которой один край оттянут в виде открытого носочка, а к противоположному краю приделана в форме колечка ручка. У некоторых светильников бывает два и три носочка. В некоторых светильниках резервуар делался удлиненным, а носок сильно вытянутым, и к ручке приделывалась пластинка для упора большого пальца. Затем были светильники также с одним или несколькими носками, но с закрытым резервуаром, в котором оставлена лишь дырочка для наливания масла. Верх резервуара делался иногда в виде решетки. Иногда светильник имел ушки для подвешивания, а иногда дырку сквозную в виде трубочки в дне для надевания на колышек. И, наконец, интересны светильники на подставке в виде подсвечника с высокой ножкой и подставкой, у которой бортики загнуты вверх, как у чашечки. Светильник соединен ручкой в виде скобы с бортиком. Этот тип светильника невольно вызывает предположения, что подсвечник выработался из подставки под светильник.

61. Светильник на подставке.

Глазурь для светильников употреблялась та же самая, что и на посуде. Нередко светильнику придавалась изящная форма, делались срезы на плечиках, боках и носке. Тогда он получал некоторое сходство с металлическим.

Плиточка на колечке почти всегда делалась фигурной со штампованным орнаментом.

62, 63. Светильники

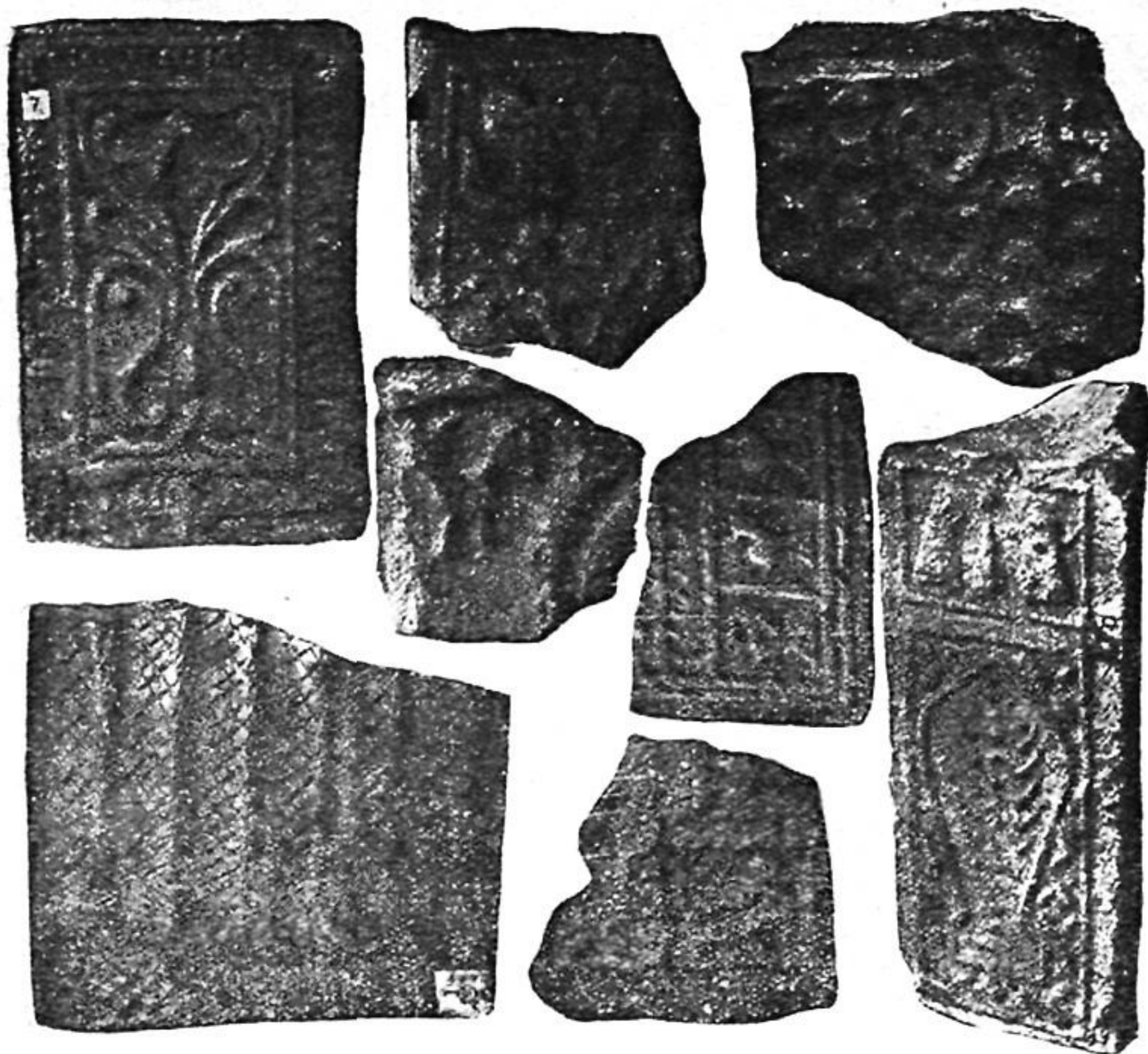
О Ч А Ж К И.

Из числа других неопределенного назначения предметов с Афрасиаба заслуживают особого внимания, по обилию находимых фрагментов, указывающих на широкое распространение этих предметов, и по разнообразному орнаменту на них, так называемые „очажки“. Это неполивные, чаще из огнеупорной глины, полуцилиндрической формы предметы разных оттенков кирпичного и аспидного цвета, с большим содержанием крупного песка. Если плитку из сырой глины в форме правильного четырехугольника, толщиной в 1,5-2 см., длиной в 50-60 см. и шириною в 18—21 см., согнем по длине в полуцилиндре или несколько больше и к концам его приставим того же роста в направлении одной прямой по четырехугольной плиточке, оставляя отверстие между ними, получится „очажек“. Форма очажка не всегда правильна—средняя часть его стенки иногда слегка приплюснута. Как внутренняя поверхность очажка, так и плиточки с лицевой стороны всегда имеют орнамент, почти исключительно штампованный и часто обильный. Если не так часто встречается исключительно от руки нанесенный орнамент, помощью ножа, заостренной палочки и просто пальца, то комбинированный, т. е. сделанный отчасти штампом, отчасти от руки—не редок. На очажках останавливает внимание присутствие на них чисто архитектурного орнамента—колонок, карнизов и арочек. При этом и самые стоящие на концах очажков плиточки имеют вид лицевой стороны порталных устоев, на которых в сохранившихся от старых времен зданиях мадрас и усыпальниц покоятся своды. На плиточках поставленные иногда в два этажа арочки усиливают их сходство с порталными устоями монументальных памятников мусульманского зодчества. Если внутренняя плоскость в очажках украшается колонками, то их ставится три—две парных по сторонам и одна, иногда другого вида, а часто лишь отдаленно напоминающая колонку, по середине так что вся поверхность разбивается на четыре части, заполняемые орнаментом. Средняя колонка в большинстве случаев представляет валик, на $\frac{2}{3}$ снизу примятый пальцем прямо или наискось, волнообразно, как в оссуариях, на карнизиках затем верхняя часть колонки насечена косыми линиями и увенчана всегда шляпкой, большая часть которой лежит на верхнем крае очажка. На плиточках также изображаются колонны, часто лишь по одной, того же типа, как и внутренние. Иногда и почти исключительно на плиточках изображаются особого типа столбики, с слегка заостренным верхом, а иногда и низом, покрытые пересекающимися углубленными линиями, образующими выпуклые как бы лепестки. Если очажки перекрывались, то конструкция их требует как будто сводчатого перекрытия. Однако, таких перекрытий найдено не было и вообще доказательств того, что очажки имели крышу в нашем распоряжении нет (таблица VIII).

Совокупность архитектурных элементов в декоративных украшениях очажков наводит на предположение, что форма заимствована из формы жилищ, дошедшей, может быть, от того времени, когда жилища делались круглыми. Это обстоятельство сближает их с оссуариями. Последние украшались с наружной стороны, а очажки с внутренней и лицевой внешней. Может быть, в некоторых случаях украшения на этих предметах соответствовали действительным украшениям снаружи и внутри жилищ.

Из животных на очажках часто изображались птицы, похожие на павлинов, клюющие зерна, или птички, стоящие в ряд по карнизу. Из растений нередко изображались широколистные травы и изогнутые в завитки веточки с листьями и плодами. Здесь мы имеем не контур только листа, как на посуде, но рельефный лист целиком, хотя и сти

Таблица VIII.

лизованный до неузнаваемости. Изредка орнамент весь или отчасти делался от руки, путем насечек на сырой глине гвоздеобразных линий, из которых иногда составлялись звездочки и елочки. Как правило, орнамент заключался в рамки из прямых линий или поясков с нанесенным на поясках более мелким орнаментом. Наружная сторона очажков, за исключением плиточек, никаких украшений не имеет, бывает лишь грубо заглажена. Очевидно, эта сторона была непоказная и невидима зрителю. Верхнее ребро очажка украшалось иногда насечкою, а нижнее оставалось совершенно не покрытым каким-нибудь рисунком.

Предположение, что очажки являются полочками, которые, будучи куплены на базаре, в готовом виде вставлялись в сделанные в стенах выемки, не подтверждаются: во-первых, во многих домах раскопками обнаружены полочки, но ни в одной не оказалось очажка, как и вообще их не найдено в таком положении, которое указывало бы на их назначение. Во вторых, очажки делались почти исключительно из огнеупорной глины. Последнее обстоятельство указывает на употребление их в таком деле, где огонь играет роль. Кроме того, они встречаются нередко закопченными и как будто покрытыми потеками масла. Возможно, что очажки эти играли роль, связанную с культом огня; может быть, в них помещались светильники с неугасимым огнем. Колонны же отпечатавшиеся на стенке внутри очажков как будто указывают на обширность внутреннего помещения здания, которые они изображают, или на то, что оно похоже было на открытую террасу. Из предметов нынешнего куль-

тового сбихода очажки напоминают «чирагдоны» — помещения в величину фонарей, сделанные из алебаstra, глины, высеченных из камня и проч., устанавливаемых на мазарах (могилах святых) для возжигания свечей и светильников. Чирагдоны имеют с одной стороны отверстие, чтобы внутрь можно было прссунуть руку с свечей. И может быть, очажки изображали не простое жилище, а храм. Главная масса фрагментов очажков нахсдится в квартале горшечников около старых печей — здесь их выделявали и обжигали и в мусульманское уже время, так как некоторые имеют арабские надписи, напр., «альхамдуулла». В позднейшее время их не выделявали совершенно, по крайней мере в XIV веке производство их уже не существовало. Но начало изготовления очажков относится, надо полагать, ко времени старше самого Афрасиаба, так как в его самых древних слоях уже находятся отличные по выработке фрагменты их. Цельных очажков почти не находят, так как форма и материал их обуславливают хрупкость.

Говоря об очажках, нельзя не отметить, что на них мы имеем хорошо представленные формы колонн до-мусульманского периода, от

64. Часть очажка с колонками.

которого не осталсь зданий в Средней Азии. Эти колонны мы находим в памятниках до-монгольского периода (Узгентские, из Шахи-Зингы) и позднейших. Обычный вид колонн на очажках состоит из постамента в форме четырехгранной срезанной пирамиды, узким концом обращенной вверх, шарособразной базы на нем, постепенно утончающегося кверху стержня, более или менее закругленного в нижнем образе, и капители в виде усеченных конуса или четырехгранной пирамиды, расширяющихся кверху.

65. Капитель

Иногда между постаментом и базой, базой и стержнем имеется шейка, а верх стержня с капителью как бы соединен обхватывающим кольцом. В нижней наиболее расширенной части стержень обработан в виде венчика цветка, обращенного лепестками вниз, из которого выходит полушарие нижнего обреза стержня. Капитель бывает или гладкая или усажена кругловатыми налпами, расположенными правильными рядами или бессистемно. Над капителью непосредственно лежит линия карниза. По рисункам трудно судить о том, из какого материала приготавлиались передаваемые ими колонны. На Афрасиабе

не встречается никаких каменных изделий, за исключением мелких вещей из мягкого песчаника. Надо предполагать, что колонны были деревянные, каковыми они делались и позже при развитии техники. Только постамент, возможно, делался из камня.

Фасадные плитки обрабатывались с большей тщательностью и разнообразием, и на них допускался более выпуклый рельеф, чем внутри очажка, при чем симметрия на плиточках полагалась обязательно. Обычно плитка обрамлялась двумя—тремя рядами рельефных поясков, уровень которых к внутренней плоскости понижается ступеньками. Каждый из поясков, если только был не гладкий, украшался особым орнаментом. Вверху по пояску часто идет орнамент в виде пилы или ряда пирамидок со ступеньками, сложенных из четырехугольников, обращенных вершиной вниз. Конечно, во всем этом нельзя не узнать излюбленных приемов обрамлений плоскостей на архитектурных сооружениях Средне-Азиатской старины. На плоскости, обрамленной рамкой из поясков выполнялся нужный рисунок. Интересен тип арочки, часто встречающейся на очажках, в форме сильно сверху приплюснутой стрельчатой арки, переходящей у пяты в шейку. Этот тип арочки в виде украшения на стенах сохранился также до настоящего времени. Нередко внутри очажков имеется изображение кумганов с очень широкими горлышками и носками, каких форм не встречается в находимой при раскопках посуде. Однако, кроме кумганов, других предметов обихода на очажках нет. Вообще на очажках мотивы орнамента иные, чем на посуде. Общим орнаментом, как на посуде, так и на очажках является лист в форме сердца и половина такого листа, затем точечный орнамент (в горошину) и птички.

На очажках останавливает внимание, кроме орнамента точечного в рельефе, отличающегося большим постоянством, еще орнамент, похожий на зерна пшеницы, всегда рельефный. Зерна как на плиточках,

так и на внутренней поверхности очажков, то раскиданы беспорядочно, то сгруппированы каждые четыре и больше зерна вокруг одного центра в виде цветочных лепестков. Удлиненная форма зернышек переходит иногда в круглую. Птицы иногда изображаются клюющими зерна. Таким образом, как будто нет сомнения, что тут мы имеем дело именно с зернами. Затем было упомянуто о столбиках, от одного до семи имеющих на плиточках очажков и почти вовсе не употреблявшихся для украшения внутренней плоскости очажков. Столбики эти ровные, заостренные в верхнем конце, а также часто и в нижнем, сильно рельефные, не имеют ни баз, ни капителей, одинаково орнаментированы—рядами прямых или чуть изогнутых линий, сходящихся по середине по вертикальной оси. Линии эти образуют как бы ряды зерен с той и другой стороны. По всей вероятности, столбики эти не что

67. Орн. в виде колосьев. инсе, как колосья. Веточками и елочками эти

66. Стилизованные колонки.

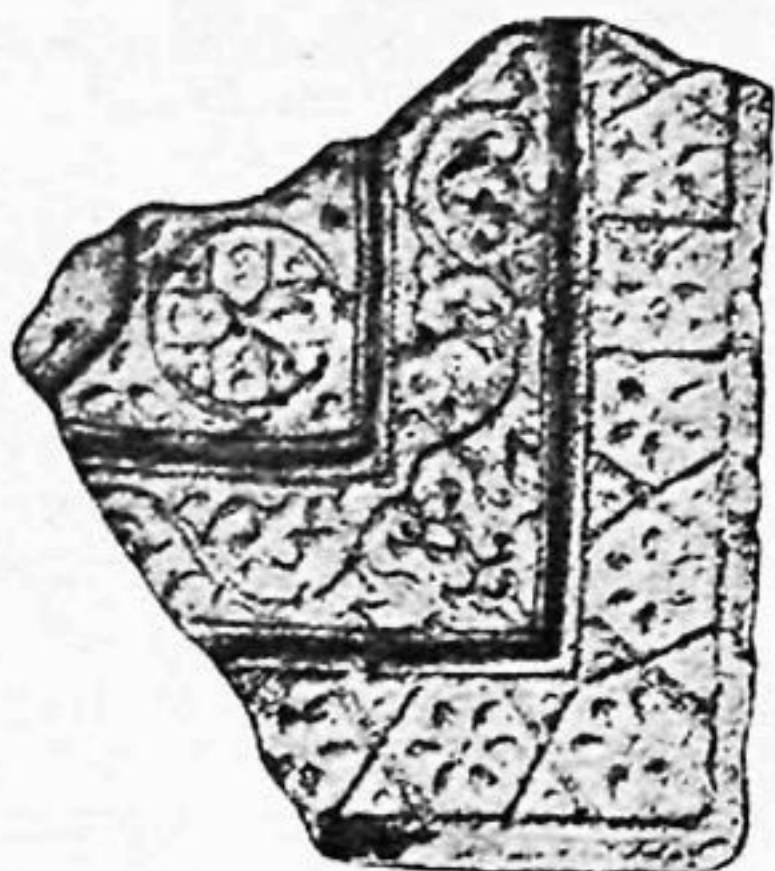
столбики не могут быть уже потому, что они не утоньшаются кверху. Иногда на очажках делается и углубленный орнамент колоска с ямками, вместо выпуклых зерен, без стебелька. Вместо овальных зерен иногда по очажку отштамповывались рельефные сердца, напоминающие семечки винограда.

При сопоставлении очажков с оссуариями следует сказать, что вторые вышли из обихода раньше, чем первые. Распространение очажков было значительно больше, штампованный орнамент к ним применялся гораздо чаще, рисунок наносился более мелкий, детализованный и специальный.

Название «очажек», несоответствующее назначению описанного предмета, даже если он действительно служил для помещения культового огня, мною употреблено здесь лишь потому, что оно вошло в обиход между интересующимися местной археологией лицами и его трудно заменить другим.

ТЕРРАКОТОВЫЕ ПЛИТЫ.

К предметам, находимым на Афрасиабе, назначение которых пока также не определено, относятся глиняные плиты. По материалу, технике, орнаменту они много общего имеют с очажками. Сходство усугубляется еще тем, что размеры орнаментальных рисунков и степень рельефа на тех и других сплошь и рядом одинаковы. Плиты эти имеют вид правильных четырехугольников, размером в среднем 35×25 см., и своим видом с приподнятыми краями несколько напоминают подносы. По краю такой плиты всегда положена рамка, шириною около 3—5 см., слегка возвышающаяся над уровнем ее на $\frac{1}{2}$ —1 см. Иногда рамка бывает двойной с обрезом внутрь и понижается к внутренней плоскости плиты двумя ступеньками. Кроме того, иногда на самом зеркале плиты имеются слегка углубленные круги. Материалом для

68. Орнамент на тер. плитах.

изготовления терракотовых плит служила глина с песком, одинаковая с употреблявшейся для выделки очажков, при чем в обоих случаях не наблюдается тщательности в обработке глины и самом обжиге. Только при изготовлении плиток к лессу примешивали то или иное количество зеленой глины (гиль-мая) для прочности.

Плиты эти орнаментированы. Однако, от руки на них орнамент никогда не наносился—он исключительно штампованный. Цельных плит совершенно не встречается и о величине их приходится судить по фрагментам, при чем наилучше сохранились куски от рамок, как наиболее толстые части плиток. Орнаментировалась одна сторона, именно та, на которой рамка; обратная же сторона оставалась с несглаженной, неровной поверхностью. Чаще всего рамка обработана наискось лежащими прямыми, пересекающимися под прямым углом треугольниками или поперечными прямыми с длинноватыми зернами, разбросанными в пустых местах. На очажках такой орнамент бывает по карнизу. Если рамка двойная, то вторая покрывается тонким и ровным, волнообразным стволиком вьющегося растения, от которого отходят завитки с листочками. Затем в самом зеркале часто расположены углубленные кружки с

геометрическим или иным рисунком внутри, разного вида плетенки, завитки и пояски удлиненные. Зерна, расположенные в форме цветочков с четырьмя и более лепестками или разбросанные беспорядочно, встречаются как на рамках, так и на зеркале наравне с сердцевидными листочками или полулисточками. Вообще, зеркало плит представляет удобную поверхность для нанесения разнообразного рисунка и письма, однако, он в действительности гораздо скромнее, чем на очажках, а письма на плитах совершенно не встречается. В зеркале иногда помещались изображения птиц того-же типа, что и на очажках. Изображений других животных не встречается.

69. Птица на тер. плите.

Если, исходя из общих с очажками указанных выше орнаментальных признаков, связывать терракотовые плиты с этими предметами, то возникает вопрос, какое назначение могли они иметь? Есть предположение, что они могли быть крышками или подставками для очажков или крышками от сосудов. Против этого можно возразить: во-первых, фрагментов от плит найдено хотя и много, но гораздо меньше, чем фрагментов от очажков. Во-вторых, четырехугольная форма плит находится в противоречии с круглой формой очажков и, в-третьих, рисунок на плитах не согласован с рисунком на оссуариях и плиты по размерам не соответствуют отверстиям оссуариев. Кроме того, края плит с обратной стороны несколько скошены и закруглены, что хотя и указывает на то, что они куда-то вставлялись, но конструкция оссуариев этого не требует. Повидимому, эти предметы особенное развитие получили в X—XI веке, выделялись на Афрасиабе и обжигались в тех же печах, в которых производился обжиг неполивной посуды. В печах монгольского времени и около них фрагментов плит уже не попадает.

70. Орнамент на тер. плитах.

КОНИЧЕСКИЕ СОСУДЫ.

Широкое распространение в Средней Азии, а также за пределами ее получили глиняные изделия особой формы, и необычайной прочности, о назначении которых до сего времени споры не закончены — это конические сосуды или так называемые глиняные бомбы. Они в обилии находятся на Афрасиабе как в верхних слоях, так и на глубине, не редко с саманидскими монетами и поливными черепками более ранними. На Афрасиабе большое количество отысканных бомб все-таки не дает материала проследить эволюцию по выделке их, так как они здесь находятся в стадии уже законченной техники. Поэтому надо полагать, что их занесли на Афрасиаб в период еще первого поселения, т. е. до ислама.

71. Конический сосуд 1/6 н в.

На Афрасиабе существовало самое производство глиняных бомб и даже в широком масштабе,

главным образом, в квартале горшечников. Здесь находятся около печей для обжига глиняных неполивных изделий в изрядном количестве черепки бракованных бомб, неудавшихся при обжиге, обратившихся в желязняк, помятых, потрескавшихся при обжиге и проч., а также дефектные цельные бомбы. В литературе указано, что, в виду особой техники приготовления или же особого обжига, конические сосуды отличаются от всяких иных глиняных самаркандских изделий необыкновенной прочностью и дымчатым цветом. Поэтому напрашивается вопрос, в каких печах производился обжиг их—в общих ли со всеми глиняными изделиями или же в специальных и что служило массой для их изготовления? Как уже сказано, на Афрасиабе открыты были два типа печей—круглые и четырехугольные, в которых безразлично обжигалась всякая посуда. Пока другого типа печей или тех же, но с каким-нибудь отступлением отыскано не было, а наличие брака конических сосудов, как у тех, так и других печей говорит за то, что обжиг этих сосудов производился безразлично в них, причем температура доводилась до 800°—900°, которую в состоянии дать эти печи. Для изготовления же конических сосудов служила указанная выше пепельного цвета пенджекентская глина, дающая изделия прочные и вследствие своей структуры, плотные без пор. Редко сосуды эти выделялись из смеси лессовой, зеленой пенджекентской глины. Фрагменты еще не обожженные из раскопок не оставляют сомнения, что на бомбы шла пенджекентская глина.

Производство бомб было массовое и изготовлялись они на глаз, при чем за точностью пропорций особенно не гнались. Несмотря на частые находки бомб, крайне редко попадаются одинаковые по величине, форме и нанесенному на них орнаменту, хотя последний сплошь и рядом наносился штампом. Все же большая часть их не имеет орнамента, а с письмом мною откопана только одна бомба—на ней по плечу в штампованных кружках повторяющаяся надпись по арабски: «фатх, фатх»—победа, победа.

Чтобы получить конической формы сосуд, сначала делался на станке из сырой глины пустой цилиндр, одна открытая сторона которого загибалась в плечики и горлышко, отштамповывался нужный орнамент, наращивались валики и затем противоположная сторона последовательно и равномерно уминалась, утоньшалась и вытягивалась книзу. Поэтому само собою стенки сосуда книзу утолщались. Оставалось только поверхность нижней части сосуда загладить. Горлышки сосудов делались всегда короткими с узким отверстием, более или менее одинакового размера, независимо от величины самого сосуда. Ни ручек, ни ушков у этих сосудов никогда не делалось; почему при гладкой и скользкой поверхности их, пользоваться ими было неудобно. Валики накладывались по изгибу плечиков вертикально в количестве 3—5 в равном один от другого расстоянии. Цвет сосудов после обжига в массе получался пепельный разных оттенков, но у обжигательных печей брак имеет также коричневый и зеленый цвет. Черепок конических сосудов отличается большой прочностью. Сброшенные с высоты 20 сажен сосуды эти не разбивались, а прыгали, как бильiardные шары.

Относительно назначения конических сосудов существует четыре основных мнения. По одному из них, сосуды эти употреблялись для привоза в них и хранения ртути, по другому для доставления в них святой воды из источника Земзем паломниками в Мекку, по третьему—они служили светильниками и по четвертому—они находили применение в военном деле в качестве снарядов, бросаемых неприятелем в осажденные укрепления. Так как появление этих сосудов относится ко времени, более раннему, чем установление „хаджа“—паломничества в Мек-

ку, то приведенное мнение о назначении их для перевозки святой воды должно быть отвергнуто. Кроме того, тогда уже в Самарканде делалась отличная стеклянная посуда, в том числе разнообразные флаконы большой прочности, легкие и портативные, которые и могли возиться паломниками в Мекку, если только они не рассчитывали приобрести посуду в самой Мекке. Для перевозки вьюком жидкостей употреблялись баклаги („мустахара“) с одной плоской стороной. В быту обитателей Самарканда с самой ранней его поры широко употреблялись светильники, очень удобные, красивые, разной формы и дешевые, иногда с несколькими носками, с открытым резервуаром, в который по мере выгорания доливалось масло, а конец быстро обгорающего фитилька часто наращивался без тушения огня. По типу старых светильников до последнего времени употреблялись металлические и глиняные „чираки“. Но, конечно, никому не могло прийти в голову приспособить конический сосуд в качестве „чирака“, ибо трудно найти более неудобную для того посудину: она нормально может только лежать, а не стоять, чтобы налить масла, каждый раз надо вытаскивать фитиль, повесить ее нельзя, так как ушков у нее нет, взять в руки неудобно—нет ручки, провалившийся фитиль вытащить нельзя. Наконец, если это только светильник, к чему специфичность формы, массивное днище, применение специальной техники в деле изготовления? Безусловно конические сосуды не были светильниками.

Сторонники того мнения, что конические сосуды служили для перевозки и хранения ртути, массовое их нахождение в некоторых местах объясняют тем, что ртуть употреблялась в Средней Азии в большом количестве, вследствие широкого распространения здесь сифилиса. Однако, болезнь эта сравнительно молодая, и мусульманской медицинской литературой существование ее даже в средние века не подтверждается. Вообще же ничто не указывает на большее употребление ртути в каких-либо целях. Конечно, нельзя допустить, чтобы оптовые торговцы ртутью хотя бы из Самарканда отправлялись за ней со своей посудой. Главнейшее место добывания ртути в Средней Азии находится близ Исфары, где в старых ломках ртутесодержащих пород много черепков разной глиняной посуды, но фрагментов конических сосудов не встречается. Разумеется, шла-ли ртуть из Испании или из Исфары, она шла в местной посуде. Точно также нельзя допустить, чтобы конические сосуды употреблялись для розничной продажи в них ртути. Ртуть тогда, трудно добывавшаяся из каменных пород, пропутешествовав до Самарканда сотни и тысячи верст караванным путем, не могла быть дешевой, и ее покупали наверно не коническими сосудами, а пузырьками и флакончиками. Я уже сказал, что при массовом изготовлении из дешевого продукта стеклянная посуда едва ли была дороже конических сосудов при одинаковой емкости, а стеклянные флаконы делались вполне достаточной прочности. Чего легче завернуть с ртутью флакончики в тряпочку и везти за пазухой, в поясе, мешке и где угодно.

Упомянутая штампованная надпись на бомбе—„фатх—победа“, указывает на ее военное назначение. В местной мусульманской старой литературе до XVI в. встречается слово: „нафт-андоз“—бросатель нефти. Под таким названием разумелись воинские части специального назначения, в сражениях бросавших в неприятеля горящую нефть. К сожалению мне не попалось дальнейших каких-либо указаний на то, каким образом производилось это бросание. В европейской литературе имеются кое-какие указания на греческий огонь и способы бросания его с помощью сосудов. Это обстоятельство сближает конические сосуды с употреблявшимися для греческого огня. У Ф. И. Успенского находим в его „Ис-

тории Византийской империи“ (Т. I, стр. 869—870) следующее описание сосудов для греческого огня:

„При защите Константинополя в 672—679 годах от арабов греки впервые применили так называемый греческий огонь; изобретение этого нового средства приписывают сирийскому химику или архитектору Каллинику, сообщившему свой секрет византийскому правительству, сделавшему из него государственный секрет. Состав выбрасывался, между прочим, с высоты стен на осаждающего город неприятеля *из особо устроенных глиняных и наглухо закрытых сосудов*, которые в нужное время раскрывались посредством механического приспособления вверху сосуда, и с силой на значительное расстояние выбрасывали горючий материал. Что это не был вполне пороховой состав, видно уже из того, что содержался в глиняных сосудах, которые, повидимому, не разрушались и после употребления состава в дело, как это видно из множества подобных сосудов, находимых еще и по настоящее время. Нужно сказать, что состав этот горит и на воде. Греческий состав играл в войнах Византии важную роль во все время до изобретения пороха.“

Наши сосуды также необычайной прочности, неразбивающиеся после употребления в дело. Конечно, они могли употребляться в дело обеими сторонами — осаждающими и осажденными. На дальнее расстояние их могли бросать из тех-же метательных орудий (катапульт), из которых бросались камни. Для облегчения полета им естественно должна быть придана коническая форма и для устойчивости в воздухе тяжелый заостренный конец. Наполненный нефтью, конический сосуд с зажженным фитильком выбрасывался из машины «нафт-андозами» с (бросателями нефти) в осажденное укрепление, падал, прыгал и расплскивал загоравшуюся от фитилька нефть. Если эти снаряды выбрасывались в массу, то трудно было избежать пожаров. Бомбы, таким образом, могли производить моральное действие и причинять материальный ущерб. В местной мусульманской литературе, правда, как уже сказано нет указаний на то, что метатели нефти бросали ее помощью конических сосудов, но нет и вообще никаких указаний на то, каким образом она бросалась. Без сосудов-же едва-ли можно было ее бросать, а более приспособленной, целесообразной посуды в условиях того времени, чем конические сосуды, едва-ли что можно было придумать.

Если назначение валиков на сосудах легко может быть объяснено надобностью неподвижно укладывать сосуды в машины, то на первый взгляд является странным, для чего они украшались орнаментом, раз последний не вызывался целью, для которой сосуды служили? Но ведь и стрелы иногда имели украшения и перышки на них окрашивались. Надо полагать, что конические сосуды служили предметом торговли и торговцы должны были заботиться об их привлекательности, как и всякого товара.

Изложенное приводит меня к заключению, что конические сосуды служили для метания нефти.

СТЕКЛЯНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Стеклянное производство в стране существовало издавна, еще задолго до заселения Афрасиаба, так как изделия из стекла на нем встречаются часто и повсеместно, начиная с самых нижних слоев, в той степени совершенства формы и техники, выше которых оно здесь в последующее время никогда не поднималось. На самом Афрасиабе пока не пришлось натолкнуться на места стеклянного производства, на стеклоделательные мас-

72. Стеклан. графин.

терские хотя здесь и попадаются куски спекшегося стекла и стеклянный брак. Но близ упомянутой Намазги найдены в нескольких местах кучи битого стекла и куски бракованных стеклянных изделий по соседству с кучами золы и остатками печи—надо полагать, здесь были стеклоделательные мастерские. Правда, каких-нибудь остатков печей, по которым можно было бы судить о форме и размерах их, а также и приспособлений для стеклоделания здесь пока тоже не найдено.

Стекло выделялось по преимуществу бесцветное, слегка зеленоватое. Цветное стекло встречается не часто и из него чаще попадает голубоватое. Из стекла, главным образом, выделялась посуда, размеры которой разнообразны, начиная от пузырька в полнаперстка величиною и до четвертной бутылки. Форма стеклянной посуды крайне разнообразна: изящные флакончики—круглые или граненые, с очень длинными горлышками или с пузатыми туловищами; тонкого или очень толстого стекла, гладкие или с

резьбой и налпами; миниатюрные, побольше и крупные пузырьки с широкими горлышками или вовсе без горлышек, шаровидные, удлиненные или сжатые сверху; стаканчики и стаканы, кружки с тяжеловатыми ручками, рюмки на высоких ножках; графины пузатые с высокими горлышками тонкого стекла, иногда толстого, граненые; фляги с ушками на плечиках, бутылки и бутылки, бокалы высокие, расширяющиеся кверху, ложечки, крыночки, молочники с ручками, горшечки—тузак и трубочки—сумаки, о которых будет сказано ниже, кувшинчики изящных форм с длинными ручками, иногда с загнутыми вниз носками, тарелочки с толстым дном и бортиками, чашечки с ручками; чашечки в виде лампадок с волнистыми боксвинами и с вертикальными складками; обмотанные стеклянными нитями, подобно сетке или в виде поясков, сосуда.

Излюбленный точечный в рельефе орнамент применялся также на стеклянной посуде в форме круглых или же овальных полушариков, расположенных рядами, поясками, между другим орнаментом и проч. Кроме того, из стекла выделялись чернильницы, бусы, пуговицы, глазки для перстней. Как уже сказано, листочки стекла вставлялись в гипсовые оконные решетки.

73. Стекл кувшин $\frac{1}{3}$ н. в.

74. Пузырек матового стекла.

Обращает внимание стеклянная бесцветная или молочного цвета посуда с матовой поверхностью и с резанным орнаментом, чаще в виде арочек, плетенок, трилистников. Обнаруживает много вкуса посуда белого же цвета, наружная поверхность которой местами залита слоем цветного стекла в виде листочков или фигурного орнамента. К тому же стеклянные предметы, извлекаемые из земли, бывают обычно покрыты патиной, дающей удивительные металлические радужные цвета. Из темнозеленого стекла делали флаконы с толстыми стенками и короткими горлышками. Поверхность их пересекалась наискось углубленными линиями и разбивалась, таким образом, на множество мелких выпуклых квадратов и кружков.

Из недостатков стеклянной посуды, отливавшейся в формах, следует отметить допускавшиеся часто несоответственно тяжелые днища, массивные ручки и нередко излом в горлышке. Ручки и носочки изготовлялись отдельно от посуды—при раскопках они попадают иногда десятками. К готовой посуде подбиралась нужная ручка или носок и припаивалась. Поэтому иногда ручки бывают другого цвета, отличного от цвета посуды, тяжелы и несообразно велики.

75. Флаконт
тем. зел. стек-
ла.

Вообще же тогда было пристрастие к непомерно высоким горлышкам. Стеклянная масса позволяла делать такие мелкие, тонкие и легкие предметы, какие из глины делать было нельзя. Повидимому, в аптечном деле и торговле парфюмерией употреблялось большое количество стеклянной посуды. Иногда находят по-много предметов совершенно одинаковых в одном месте, напр., пузырьков или флаконов.

Стеклянные чернильницы делались в виде стаканчиков и вставлялись для устойчивости в гипсовые подставочки. Иногда подставочка делалась больше и в нее вставлялось до пяти стаканчиков. Возможно, что в стаканчики наливались чернила разного цвета. Самая подставочка, выливаемая из гипса с гнездами для чернильниц, почти всегда оказывается орнаментированной, украшенной колонками в углах, завитушками между ними и иногда арабскими письменами. Из мастеров стеклоделов в надписях на посуде сохранилось имя Ахмада, сына Исмаила.

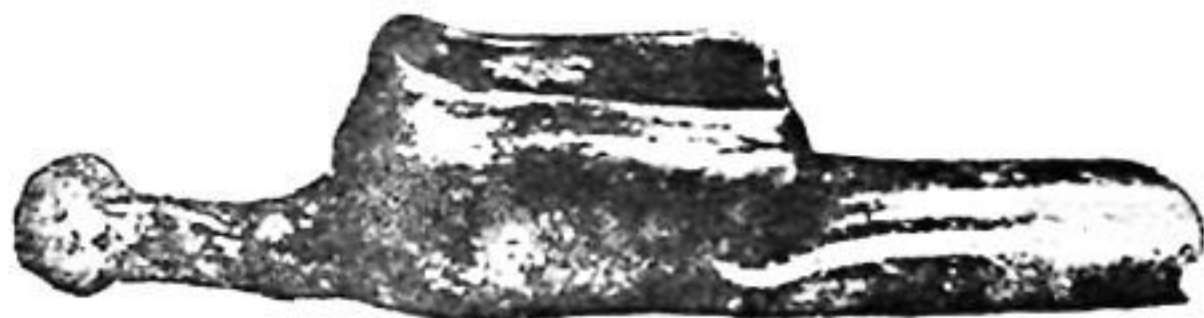

76. Пузырек н. в.

К числу обиходной посуды следует отнести особые ковшики, состоящие из стаканчика с овальным доньшком и прямой ручки в виде круглой палочки, длиною в $\frac{2}{3}$ карандаша. Ручка укреплена к середине стаканчика под слегка острым углом вниз. Емкость стаканчиков несколько не одинакова и приблизительно равна половине обыкновенного стакана. Похоже на то, что они служили единицей емкости жидких тел.

Оригинальными предметами из раскопок и находок на Афрасиабе являются стеклянные трубочки, по величине и форме сходные с обыкновенной трубкой для курения табаку. У всех трубочек ста-

канчик приходится не на конце чубука, а несколько отступя от него иногда даже почти по середине чубука, и конец этот заканчивается глухим сосочком с одним или двумя перехватами. Другой конец чубука, полый внутри, всегда обломан. Стаканчики бывают двух видов: круглые с отверстием в $1\frac{1}{2}$ см. диаметром и четырехугольные, вытянутые по чубуку в $2\frac{1}{2}$ см., первые высотой $1\frac{1}{2}$ см., последние чуть пониже. Предметы эти и по настоящее время употребляются в обиходе коренного населения и составляют необходимую при-

77-79. Сумаки для мальчиков и девочек.

надлежность туземной люльки, только делают их теперь деревянные. Называются они сумаками. Деревянная туземная люлька—кровать ставится на пужках и может качаться на них. В доньшке люльки около середины делается отверстие, в которое вставляется специальной формы горшечек: он, помещаясь под люлькой, краями, которые отворочены, задерживается в отверстии люльки. Горшечки для люлек делались также стеклянные, иногда глиняные, но поливные с внутренней стороны. В раскопках они попадаются вместе с сумаками. Теперь они делаются из глины и называются тувак'ами. Чтобы в люльке было сухо и чисто и чтобы ребенок не пачкался, его привязывают в люльке таким образом, что он всегда лежит на спине, голым местом на открытом горшечке, а между ног у него прикреплен сумак таким образом, что моча попадает в стаканчик и по трубочке стекает в горшечек. С круглым

80. Туваки.

стаканчиком сумак употребляется для мальчиков и с четырехугольным для девочек. Постоянное лежание в люльке на спине, как известно, отражается на форме затылка—он становится плоским. Черепа из раскопок, хотя бы на том же Афрасиабе с плоскими в тыловой части костями следует объяснить этим обычаем, существовавшим, вероятно, еще в до-мусульманское время в районе оседлого населения.

По обилию стеклянных изделий на Афрасиабе надо заключить, что стеклянное производство было важным делом для повседневной жизни жителей. Материал из раскопок свидетельствует о высокой технике в стеклянном производстве, а

это возможно было при более или менее высокой культуре народа вообще. Поэтому следует допустить, что еще до прихода арабов здесь культура была довольно высокая.

Изделия из стекла, вообще очень бедные орнаментом, пока не могут служить сколько-нибудь надежным материалом для определения эпохи, в противоположность керамике, орнамент которой позволяет это делать даже при наличии небольших черепков (табл. IX).

Таблица IX.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В заключение вновь обращаюсь к уже сказанному о том, что значительное число видов вещественных памятников былой культуры с Афрасиаба не может быть прослежено в смысле эволюционного их развития, так как предметы эти появились здесь сразу уже в законченной форме. По этому поводу мною было высказано мнение, что поселение на Афрасиабе образовалось в пору расцвета довольно высокой культуры. Можно допустить и другое предположение, что в первое же время заселения Афрасиаба, его захлестнул поток переселения какого-то культурного народа, который и внёс внезапно уже разработанную высокую технику свою в области терракотового производства в местную гончарную промышленность. Однако, такое мнение было бы менее правдоподобно, ибо с IV века, когда по нашим данным возникло поселение на Афрасиабе, и до арабов Самарканд, по историческим данным, правда, недостаточной полноты, не был продолжительно занят каким-нибудь пришлым народом с высокой культурой.

Относительно тех или иных влияний в области памятников материальной культуры в первые века после завоевания Средней Азии арабами еще мало что известно. Но высокое состояние и интенсивная деятельность в ремесленных производствах требовала соответствующей

высокой духовной культуры и связи с культурными центрами. Такую связь с Персией и Малой Азией Средней Азии открыл ислам, вообще давший большой духовный подъем завоеванным им народам. И вот, с одной стороны, близость времени основания города на Афрасиабе к моменту завоевания страны арабами и, с другой—огромное значение ислама в развитии местной культуры наталкивают естественным образом на предположение: не является ли поливная керамика на Афрасиабе чужестранной, занесенной с исламом. Это предположение, имеющее на первый взгляд долю правдоподобия, вызвало необходимость при раскопках особенно тщательно проверять данные изысканий и осторожно делать выводы. Несмотря на трудность определений, вследствие перепутанности слоев на Афрасиабе, все-таки оказалось, что поливная посуда согдийская относится к до-арабскому периоду и потом в последующее время она продолжала существовать и впитывала новые веяния (арабское письмо на посуде).

Но все же следует сказать, что после-согдийская поливная посуда, а затем и тимуридская убеждают нас в том, что здесь при переходе одной эпохи к другой не наблюдается того, чтобы последующий период старался сохранить по возможности старые формы и орнаменты, развить, дополнить и обновить их. Каждая посудная эпоха—а, как сказано выше, насчитывается их три,—выступает со своими собственными орнаментом и техникой, порывая с предыдущим. Я еще раз повторяю, что мы теперь довольно хорошо знаем эти крупнейшие хронологические этапы терракотовых поливных изделий по раскопкам на Афрасиабе и в Самарканде, что они в своих основных чертах настолько хронологически характерны, что и в дальнейшем будут служить надежным базисом при археологических изысканиях и в других местах Средней Азии.

г. Самарканд. 1 ноября 1926 года.